

Ги Бретон

История любви
в истории Франции

Ги Бретон
От Великого Конде до Короля-Солнце
Серия «Истории любви в истории Франции», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121529

История любви в истории Франции: Т. 4. От Великого Конде до Короля-Солнце / Пер. с фр. В. В. Егорова.: КРОН-ПРЕСС; Москва; 2012
ISBN 978-5-480-00059-7, 978-5-480-00186-0

Аннотация

Ги Бретон отмечает: в одном из своих персидских писем Монтескье писал:

«...Когда я приехал во Францию, покойным королем полновластно управляли женщины, а между тем, если принять во внимание его возраст, я думаю, что он нуждался в них меньше всех других монархов в мире... В Персии жалуются на то, что государством управляют две-три женщины. Гораздо хуже обстоит дело во Франции, где управляют женщины вообще и где они не только присваивают себе целиком всю власть, но и делят ее между собою по частям.»

Ради коротенького «да» любимой женщины государственные мужи объявляли войны, запрещали религии, принимали абсурдные законы, то есть вершили историю под влиянием страсти к даме сердца.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	28
Глава 5	32
Глава 6	37
Глава 7	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Ги Бретон

От Великого Конде до Короля-Солнце

Наиболее серьезные изменения в политике государств обычно происходят под влиянием женщин, а войны, столь губительные для королевств и империй, – лишь следствие влияния их красоты или хитрости.

Мадам де Моттевиль

GUY BRETON

HISTOIRES D'AMOUR DE L'HISTOIRE DE FRANCE

Иллюстрации – Ксения Салина

Дизайн переплета – Александр Архутик

В оформлении использован фрагмент работы Франсуа Буше «Мадам де Помпадур»

«...В Париже или провинции нет ни одного должностного лица, не имеющего любовницы, которая щедрой рукой не раздавала бы милости или же порой не творила бы несправедливости. Все эти женщины тем или иным образом оказались связанными друг с другом, образуя государство в государстве или же своего рода республику, граждане которой считали своим долгом оказывать ближнему всяческую помощь. И если кто-нибудь начнет анализировать действия министров, судей, прелатов, учитывая влияние женщин, с которыми они связаны и которые на самом-то деле ими управляют, он уподобится человеку, который видит, как работает машина, но не имеет ни малейшего понятия о пружинах, приводящих ее в действие...

В Персии часто можно было услышать жалобы на то, что королевством правят две или три женщины. Но сложившаяся там обстановка не идет ни в какое сравнение с тем, что делается во Франции, где всемогущие женщины, не ограничившись общим руководством, взяли на себя всю полноту власти».

В сто седьмом персидском письме Монтескье¹ сообщал своему другу Рика:

«Приехав во Францию, я убедился, что, хотя король и находился в том возрасте, когда уже давно не думают о женищинах, он все еще оставался марионеткой в их руках. В разговоре со мной одна придворная дама сказала: “Я переговорю с министром, чтобы он сделал что-нибудь полезное для этого молодого полковника, достоинства которого мне хорошо известны”. Я был также свидетелем того, как другая дама заметила: “Удивительно, как этот молодой аббат до сих пор еще не стал епископом. Я думаю, что следует ему помочь. С самого рождения он обладает всеми лучшими мужскими качествами, а я могу поручиться за его высокую нравственность”.

Но ты не думай, что эти дамы были фаворитками принца. Они, возможно, за всю свою жизнь и говорили-то с ним от силы раза два, и в этом нет ничего страшного – европейские принцы не чурались общения с прекрасными дамами. Просто дело в том, что при дворе, в Париже или провинции нет ни одного должностного лица, не имеющего любовницы, которая щедрой рукой не раздавала бы милости или же порой не творила бы несправедливости. Все эти женщины тем или иным образом оказались связанными друг с другом, образуя государство в государстве или же своего рода республику, граждане которой считали своим долгом оказывать ближнему всяческую помощь. И если кто-нибудь начнет анализировать действия министров, судей, прелатов, учитывая влияние женщин, с которыми они связаны и которые на самом-то деле ими управляют, он уподобится человеку, который видит, как работает машина, но не имеет ни малейшего понятия о пружинах, приводящих ее в действие.

Считаешь ли ты, Иббен, что женщины становятся любовницами такого-то министра из одного лишь непреодолимого желания ему отдаться? Ничего подобного! Они делают это скорее всего для того, чтобы получить возможность подсовывать ему каждое утро пять или шесть прошений. И их природная доброта проявляется в готовности помочь многим несчастным людям, которые со своей стороны обеспечивают им ренту в сто тысяч ливров.

В Персии часто можно было услышать жалобы на то, что королевством правят две или три женщины. Но сложившаяся там обстановка не идет ни в какое сравнение с тем, что делается во Франции, где всемогущие женщины, не ограничившись общим руководством, взяли на себя всю полноту власти».

*Париж, писано в последнюю луну Шалваля²,
1717 г.*

Не знаю, что можно еще добавить к столь замечательному письму...

Глава 1

Состояла ли Анна Австрийская в тайном браке с Мазарини?

Невозможно даже представить, какую глупость могут совершить мужчина и женщина, если им приходится скрывать свои близкие отношения...

Андре Фабре

Чувствуя приближение смертного часа, 20 апреля 1643 года Людовик XIII призвал в свои покои членов парламента³ и в присутствии Анны Австрийской зачитал им свое завещание, значительно ограничивающее права королевы и одновременно унижающее ее достоинство:

– До достижения совершеннолетия моего сына управлять королевством будет регентский совет, в котором королева-мать будет иметь лишь один голос, а решение будет считаться принятым, если за него проголосует большинство присутствующих на заседании членов совета.

При этих словах Анна Австрийская побледнела, а в комнате воцарилась гнетущая тишина.

Уже давно при дворе ни для кого не было секретом, что Людовик XIII не доверял своей супруге, но никто раньше не мог даже предположить, что он публично откажет ей в праве на регентство. Члены парламента еще не пришли в себя от удивления, когда король добавил слабеющим голосом, что «королева промотает все королевство, как это сделала в свое время его покойная королева-мать, если она станет регентшей»⁴. Последние слова окончательно привели в замешательство членов парламента.

Но государь тут же потребовал, чтобы Монсиньор и Анна поставили свои подписи под только что зачитанным завещанием, к которому он заранее сделал приписку:

«Все, что написано выше, является моей последней волей и должно быть непременно выполнено».

Королева молча повиновалась, считая, что покои умирающего не лучшее место для споров. Однако уже на следующий день после кончины Людовика XIII, последовавшей 15 мая, обратилась в парламент с требованием аннулировать королевское завещание, заявив, что берет на себя «всю ответственность за свободное, полное и неограниченное управление делами королевства» до достижения Людовиком XIV совершеннолетия «с предоставлением ей права подбирать себе в помощь честных и опытных людей в необходимом ей количестве для обсуждения вопросов государственного управления на заседаниях совета... не принимая на себя обязательства подчиняться большинству».

Что, по сути дела, напоминало настоящий государственный переворот.

* * *

Сразу же после смерти Людовика XIII⁵ в Версаль начали возвращаться бывшие ранее в опале придворные: мадам де Шеврез, мадемуазель де Отфор, Лапорт, мадам де Сенеси и другие... И не узнали свою королеву. Она уже успела в полной мере ощутить всю тяжесть

выпавшей на ее долю ответственности и совсем не была похожа на ту апатичную и беззаботную женщину, какой они ее привыкли видеть раньше.

Но Анна Австрийская отнюдь не стремилась к власти, нарушив волю своего мужа. Она преследовала единственную цель: поставить во главе королевства своего любовника...

Когда встал вопрос об избрании нового премьер-министра, у придворных и членов парламента не было никаких сомнений в том, что на столь ответственный пост будет назначен епископ Огюстен Ротье из Бове, который, по общему мнению, являлся самой подходящей кандидатурой. Ибо, как писал кардинал Ретц в своих «Мемуарах», «он был дубиной в епископской митре и самым глупым из всех глупцов».

Но премьер-министром неожиданно для всех стал Мазарини⁶.

«Весь Париж терялся в догадках, – писал Сотро де Марси. – Никто не знал, на какие рычаги нажал кардинал, чтобы удержаться у власти. Ведь он не раз всенародно заявлял, что собирается вернуться в Италию. Но после того, как камердинер королевы Лапорт опубликовал свои “Мемуары”, ни у кого не осталось сомнений в том, что с самого начала королева находилась в сговоре с кардиналом. Именно с этого времени и пошли слухи о любовной связи Анны Австрийской с Мазарини, который был, кстати, очень видным мужчиной»⁷.

А простые парижане, всегда острые на язык, стали утверждать, что Мазарини сотрясает государство всякий раз, когда начинает играть на своей «дудочке». Повсюду распевались куплеты непочтительного содержания:

Мазарини – хитрый элемент,
А его природный инструмент
К нападению готов в любой момент.
И хотя не причиняет он урона,
От ударов сотрясается корона.

В самом деле все считали, что отношения, установившиеся между сорокадвухлетней королевой и итальянцем, которому уже исполнился сорок один год, носят отнюдь не платонический характер. В Париже открыто высмеивали их любовную связь, а студенты Латинского квартала, которые во все времена отличались независимостью суждений, называли регентшу не иначе как шлюхой кардинала. Вскоре это прозвище было подхвачено кумушками Центрального рынка и всеми мелкими торговцами. И только тогда мадемуазель де Отфор сочла необходимым сообщить Ее Величеству, «что по городу ходят нехорошие слухи».

Реакция Анны Австрийской на эти слова была довольно любопытной. Мило улыбнувшись, она произнесла:

– Все эти разговоры не имеют под собой никакой почвы. По той простой причине, что кардинал не любит женщин. Ведь он родом из страны, где предпочитают кое-что другое.

Вот так, ни секунды не колеблясь, регентша решила навсегда отвести от себя все подозрения, обвинив своего любовника в содомском грехе.

Однако было бы наивным полагать, что нашлись люди, которые приняли ее слова за чистую монету. И Лапорт и мадам де Бриен продолжали информировать Анну о том, что ее взаимоотношения с кардиналом продолжают оставаться основной темой едких куплетов. Но если королевский камердинер не добился большего успеха по сравнению с мадемуазель де Отфор, мадам де Бриен, напротив, выслушала несколько откровений королевы:

– Хочу тебе признаться в том, что я люблю его, – сказала королева, покраснев до корней волос, – и люблю нежно; но мое отношение к нему не из области чувств; один лишь мой разум преклоняется перед мощью его интеллекта⁸.

И тут же поклялась на ковчеге со святыми мощами, что никогда впредь не будет вести разговоры с Мазарини на темы, выходящие за рамки государственных дел.

Но в тот же вечер она открыла кардиналу дверь своей спальни, и он, как всегда, не обманул ее ожиданий, доставив ей немало приятных мгновений.

Вспоминала ли она о своей клятве и расспрашивала ли кардинала о победе, одержанной под Рокруа, в тот момент, когда он вольно с ней обращался?

Трудно сказать.

* * *

В начале октября 1643 года по Парижу распространился слух о том, что Мазарини выиграл в карты особняк Тюбеф, находившийся на месте нынешнего здания Национальной библиотеки.

Это событие послужило поводом для нелестных шуток в адрес регентши.

Но когда в городе узнали, что премьер-министр выехал из особняка Клев, располагавшегося рядом с Лувром, чтобы поселиться на улице Тюбеф, простой народ не преминул шумно выразить по этому поводу свое мнение:

– Значит, у них не заладилась семейная жизнь, – оживленно судачили кумушки. – Королева и кардинал должны, по всей видимости, скоро расстаться.

Но они ошибались. 11 октября Анна Австрийская, желая как можно быстрее оказаться поближе к премьер-министру, покинула Лувр и переехала во дворец Пале-Кардиналь, который Ришелье в свое время завещал королю. Отныне Мазарини не составляло большого труда незаметно через сад проникать в дом королевы. Теперь он мог каждый вечер без помех «отсыпать меру овса» вдове Людовика XIII.

Бедняжка, лишенная в течение столь долгого времени мужской ласки, всякий раз ожидала прихода кардинала с плохо скрываемым нетерпением. Прижавшись лбом к оконному стеклу, она напряженно всматривалась в темноту сада, вздрагивала и бледнела, слышав шаги Мазарини, ступавшего по дорожке, покрытой увядшей листвой.

Но однажды он не пришел. Обеспокоенная королева послала на улицу Тюбеф верного Лапорта, не раз приходившего в свое время ей на выручку в подобном деликатном деле. Вернувшись, камердинер принес страшную весть: кардинал заболел желтухой.

Однако несчастье, приключившееся с Мазарини, только развеселило народ, который усмотрел в этой болезни кару небесную. И снова среди простых людей стали ходить бесхитростные шуточки относительно добродетельной Анны Австрийской.

– Без причины не пожелтеешь, – злорадствовали они.

И Анне Австрийской в который уж раз пришлось закрывать рот сплетникам.

Чтобы покончить со слухами, ходившими о ней и кардинале, 10 ноября на заседании парламента она заявила, что «у нее несколько раз на день возникает необходимость обсудить с кардиналом вопросы государственной важности, но, принимая во внимание его болезнь, из-за которой тому трудно часто ходить через сад Пале-Рояля, она решила предоставить Мазарини апартаменты в своем дворце, что позволит ей постоянно иметь его под рукой для решения неотложных дел».

«Решение королевы, – писал в тот вечер Годен, – было одобрено министрами и встречено аплодисментами»⁹.

Министры имели все основания для аплодисментов: наконец-то любовники зажили вместе под одной крышей.

Кардинал поселился в обширных апартаментах, выходивших на улицу Бон-Анфан. И для того чтобы попасть к королеве, ему надо было лишь воспользоваться тайным переходом, о котором упоминает принцесса Палантинская в своих воспоминаниях.

Неожиданная для всех перемена, произошедшая в поведении королевы, которая еще за две недели до этого краснела лишь при одном упоминании Мазарини и всеми, даже самыми неожиданными способами пыталась скрыть свою связь с кардиналом, настолько удивила придворных, что они вскоре начали поговаривать, будто Анна Австрийская и первый министр сочетались тайным браком¹⁰. Вот так возникла историческая загадка, над разгадкой которой будут ломать головы в будущем целые поколения историков.

* * *

Прежде чем, в свою очередь, поразмыслить над этой историей, послушаем, что говорили по этому поводу современники.

Одни ограничивались лишь постановкой проблемы. Автор опубликованного в 1649 году «Ходатайства о пересмотре судебного решения» писал, например, о королеве и кардинале: «Если они действительно связаны узами брака, а их брачный контракт был освящен главой миссии отцом Венсеном¹¹, они вправе делать все, что хотят, и даже то, что следует скрывать от нас».

В другой появившейся в том же году книге «Секрет, о котором знали все» прослеживается аналогичная мысль: «Почему так бранят королеву за ее любовь к кардиналу? Разве она должна поступать по-другому после того, как вышла за него замуж, а отец Венсен одобрил и подписал их брачный контракт?»

Другие высказывались более категорично. Так, доктор теологии Марк-Антуан Деруа, аббат Лединьяна и каноник Алез, нисколько не сомневался в том, что брак был на самом деле заключен. В своем любопытном труде «Героическая муза, или Зарисовки самых памятных деяний Его Преосвященства в разное время и в разных обстоятельствах» он представляет кардинала тайным супругом Анны Австрийской.

И наконец, принцесса Палантинская уверенно заявляет в своих «Мемуарах», нисколько не сомневаясь в собственной правоте: «Королева-мать, вдова Людовика XIII, не желая быть просто любовницей, вышла замуж за кардинала Мазарини, который не был посвящен в сан священника и поэтому не принимал обета безбрачия. А кроме того, известны все обстоятельства их совместной жизни. До сих пор в Пале-Рояле существует тайный ход, через который кардинал каждую ночь навещал королеву в ее покоях. И старуха Бове, первая камеристка королевы, ее самое доверенное лицо, была посвящена в тайну их бракосочетания».

На первый взгляд достаточно приведенных здесь фактов, чтобы у читателя не осталось сомнений в том, что королева и кардинал состояли в тайном браке. Но существует еще более убедительное свидетельство самого Мазарини. 27 октября 1651 года кардинал, будучи в изгнании, отправил регентше зашифрованное письмо, в котором есть строки, придающие особый вес словам принцессы Палантинской:

*«Я уверен, что, когда известные Вам люди объединятся с теми, кто добровольно сложил с себя обязательства по отношению к морю¹², они выступят против него и постараются сделать все возможное, чтобы настроить 44¹³ против него. Но они не смогут добиться поставленной цели лишь потому, что +и*¹⁴ связаны друг с другом узами, которые, а Вы в этом со мной полностью согласны и неоднократно мне это подтверждали, выдержат испытание временем и устоят перед натиском любых обстоятельств.*

Я прочитал письмо Серафина¹⁵, адресованное 46¹⁶, которое заканчивается словами, лучшие которых найти, наверное, невозможно, ибо он (в письме употребляется «он» вместо

«она», а имя Сера-фин стоит в мужском роде) писал, что, если бы он стоял на пороге смерти, его последняя мысль была бы о + (любовь к Мазарини). Вы не можете себе представить, как эти слова приились кстати. Кажется, сам Бог вдохновлял Серафина при написании этого письма, так как оно пришло как раз в тот момент, когда надо было облегчить страдания Н¹⁷. И можно понять состояние этой малышки¹⁸, которая вначале вышла замуж, несмотря на все препятствия, стоявшие на ее пути, а потом была вынуждена уехать¹⁹. Будем все же надеяться, что ничто не помешает ей увидеть его, чего * желает более всего в жизни».

* * *

Похоже, Мазарини и Анна Австрийская действительно сочетались тайным браком. Уже одним доказательством тому может служить отношение духовенства к королеве. Будучи очень набожной женщиной, Анна Австрийская часто навещала монахинь монастыря Вал-де-Грас. «И святые женщины, – писал Жюль Лаузелер, – на протяжении многих лет закрывали глаза на ее любовную связь, хотя, узнав о ней во время исповеди, они должны были бы посчитать ее преступной и отвернуться от королевы, что само по себе кажется неправдоподобным».

А так как будущий св. Венсен де Поль продолжал оставаться духовником королевы и ни на день не прерывал исполнения обязанностей священника, следует предполагать, что тайное бракосочетание узаконило отношения двух именитых особ²⁰.

Теперь нам остается только узнать, почему в такой тайне держался этот союз – ведь сообщение о замужестве регентши положило бы раз и навсегда конец всем оскорбительным слухам. И не было видимых препятствий для оглашения такого важного события в жизни королевы. Граф де Сен-Орер, выслушав сторонников подобного подхода к данной проблеме, выдвинул веский аргумент: «Сохранение тайны отвечает политическим интересам государства и позволяет избежать большого скандала, ибо общественное мнение, снисходительное к любой внебрачной связи, никогда бы не простило королеве ее брака с кардиналом; более того, простые люди, для которых браки заключаются на небесах, возмутились бы гораздо больше при мысли, что Мазарини останется министром до конца своих дней...»²¹.

Глава 2

Каким образом два любовных письма послужили причиной разделения двора на два враждебных лагеря

*Переворот в сердце женщины почти всегда предвещает
беспорядок в делах.*

М. Томас

Пока Анна Австрийская и кардинал в поисках кратчайшей дороги в рай выходили на не предусмотренный катехизисом путь, усилиями нескольких красивых женщин двор превратился в настоящее осиное гнездо.

«Во Франции, – писал один из историков XVIII века, – царила анархия. Праздники и войны, анекдотические любовные похождения и заговоры против правительства следовали один за другим. И причиной всей этой неразберихи были женщины. В ту эпоху они были охвачены какой-то болезненной жадой политической деятельности, проявляющейся в обычных условиях в виде программных установок тех или иных партий, в которых женщины по складу своего характера должны были бы занимать, вопреки бытующему мнению, ведущее место. Все без исключения придворные дамы в соответствии со своими пристрастиями и взглядами плели интриги, писали мемуары или участвовали в заговорах, посвящая этому делу в основном ночное время. И где бы ни находилась слабая женщина – в постели или в председательском кресле, – везде она была душой общества, готова величайшие испытания в истории человечества, при этом любовь играла решающую роль»²².

Подтверждением чему являются события конца 1643 года.

* * *

В то время при дворе самыми красивыми дамами считались мадам де Лонгвиль и мадам де Монбазон. Трудно было сыскать двух столь непохожих женщин: первая – блондинка с ангельским лицом и глазами цвета бирюзы, вторая – статная брюнетка с громким голосом и звонким смехом. Но еще больше они расходились во вкусах, привычках, политических взглядах и, главное, отличались по происхождению. Мадам де Лонгвиль была дочерью принца Конде и сестрой герцога Энгиенского (будущего Великого Конде), одержавшего только что победу под Рокруа. И вполне понятно, что ее происхождение давало ей право на благосклонность регентши и Мазарини.

Напротив, мадам де Монбазон приходилась самой молодой свояченицей несправедливой мадам де Шеврез, которая без устали плела интриги против кардинала, входя в известную партию «Важных»²³, которых справедливо опасалась королева за их намерение сместить или даже убить Мазарини.

И наконец, женщины соперничали в любовных похождениях: белокурая герцогиня, отказавшаяся выйти замуж за сына герцога Вандомского герцога де Бофора, по приказу отца была выдана за старого герцога де Лонгвиля, который был старше ее на тридцать лет. А темпераментная брюнетка мадам де Монбазон одновременно была любовницей герцога де Бофора, отставного ухажера мадам де Лонгвиль, и самого господина де Лонгвиль...

Неудивительно, что обе женщины имели все причины не выносить друг друга, хотя мадам де Лонгвиль и не принимала близко к сердцу любовные похождения своего мужа.

Не испытывая ни малейшей симпатии к этому старику, в постель которого ее насильно уложили еще совсем юной девочкой, мадам де Лонгвиль искренне радовалась, когда он заводал очередную любовницу. Ведь тогда и у нее появлялась возможность беспрепятственно встречаться с Морисом де Колиньи...

* * *

Эти сложные отношения продолжались довольно долго, пока однажды во время одного из приемов у мадам де Монбазон фрейлина королевы не подобрала на ковре два кем-то случайно оброненных письма. Пробежав глазами несколько строк, она поняла, что речь в них идет о любовных делах и что написаны они женской рукой; фрейлина протянула эти любовные послания герцогине, которая не замедлила их прочесть вслух под дружный смех гостей. «Затем, – пишет мадам де Моттевиль, – на смену веселью пришло любопытство, потом последовали различные предположения, и наконец все пришли к выводу, что письма выпали из кармана только что вышедшего Колиньи, который, если верить слухам, был влюблен в мадам де Лонгвиль».

Мадам де Монбазон сразу же поняла, что у нее появилась прекрасная возможность не только испортить репутацию своей ненавистной соперницы, но и нанести удар по клану Конде, мешавшему партии «Важных» склонить на свою сторону всех придворных.

Вот текст этих писем:

«Я бы еще больше сожалела о перемене Вашего ко мне отношения, если бы действительно не заслуживала достойного к себе отношения. И пока я была уверена в подлинности и силе Ваших чувств, я дала Вам возможность извлечь все желаемые Вами выгоды из моей к Вам нежной привязанности. Теперь не надейтесь ни на что другое, кроме уважения, которое Вы заслужили вашей деликатностью. Я слишком горда, чтобы ответить положительно на клятвенные заверения в Вашей ко мне любви. А за Ваше пренебрежение к нашим встречам единственное, что я могу сделать, так это лишить Вас возможности видеть меня. Конечно, я не могу Вам приказывать, но я прошу Вас больше никогда ко мне не приходить».

К этому прощальному письму была приложена записка, написанная той же рукой:

«На что Вы рассчитываете после столь долгого молчания? Разве Вы не понимаете, что самолюбие мешает мне сохранить видимость наших отношений после того, как Вы перестали относиться ко мне с прежней любовью? Вы утверждаете, что чувствуете себя самым несчастным человеком на свете. И в этом якобы виноваты мои подозрительность и неуравновешенность. Позвольте мне не поверить Вам, хотя я не в праве отрицать, что Вы действительно меня любили. Но и Вы должны, в свою очередь, признать, что мое уважительное к Вам отношение стало достойным вознаграждением за Ваши чувства. И в этом есть своего рода высшая справедливость. И в будущем я не хочу выглядеть менее благородно, чем Вы, если Ваше поведение будет соответствовать моим ожиданиям, которые Вы бы нашли достаточно разумными, если бы испытывали большое влечение ко мне. А трудности, которые Вы преодолевали для того, чтобы встретиться со мной, не уменьшали, а, наоборот, распаляли Ваши чувства. Я страдаю от того, что меня лишили возможности любить. А вы страдаете, если судить по Вашим словам, от того, что слишком любите. По-вашему, надо поменять обстановку – и я найду успокоение в выполнении своего долга, а Вы, наоборот, изменяя ему, обретете свободу. Я не думаю, что забуду о том, как мы провели с Вами последнюю зиму. И в этом я с Вами так же откровенна, как и раньше».

Надеюсь, что Вы последуете моему примеру, и я не пожалею о том, что приняла решение больше никогда не возвращаться к прошлому. Я буду дома три или четыре дня подряд, но увидеться со мной можно будет по известной Вам причине только вечером...»

Оба письма кажутся на первый взгляд вполне безобидными по сравнению со страстными и нескромными любовными посланиями королевы Марго.

Однако было бы заблуждением принимать за чистую монету все, что в них написано. Непринужденная манера письма – дань моде того времени, появившейся под влиянием школы Рамбуйе, – позволяла все нужное читать между строк. А люди того времени отлично умели угадывать в каждом слове заложенный в него скрытый смысл. Например, фразу «*Я не думаю, что забуду о том, как мы провели с Вами последнюю зиму*» следует читать: «*Со сладострастием вспоминаю те изнурительные ночи, которые мы провели вместе в моей постели...*»

Мадам де Монбазон тоже следовала моде, и ее письма тоже могли бы ввести в заблуждение любого непосвященного, который легко принял бы ее за невинную девушку, мечтавшую о платонической любви, в то время как на самом деле она вела себя будто отъявленная потаскуха. Примером тому может служить следующий случай. Однажды во время бала, который давала мадам де Монбазон в своем доме на улице Барбьет, одна из фрейлин обратила внимание на подозрительное колыхание шторы из тяжелой гобеленовой ткани, закрывавшей одно из окон гостиной. Решив, что там прячется шпион Мазарини, она призвала на помощь де Гиза, который поспешил к ней с обнаженной шпагой.

Подойдя к окну, герцог резким движением откинул штору.

Открывшаяся картина повергла придворных в замешательство: мадам де Монбазон, «опираясь на подоконник, беззастенчиво занималась любовью с одним из приглашенных на бал гостей»²⁴.

Таким образом, соперница мадам де Лонгвиль прекрасно разобралась в том, что скрывалось за возвышенным любовным стилем письма. Она перевела его с большим остроумием и злорадством на всем понятный язык. А на следующий день весь Париж уже знал, что прекрасная блондинка была любовницей Мориса де Колиньи.

И тут же появились куплеты:

Госпожа де Лонгвиль, как молва утверждает,
Заниматься любовью не прочь,
И вдвойне не прав тот, кто дочь осуждает:
На мамашу равняется дочь.
Превосходна мамаша, но очень чванлива,
А дочка похожа на мать, просто диво.
И меняют мужчин они без перерыва.

Принцесса Конде, узнав о том, что мадам де Монбазон оклеветала ее дочь, обратилась с жалобой к регентше. С этого момента двор разделился на два враждующих лагеря: все «Важные» стали на сторону мадам де Монбазон, тогда как друзья Мазарини взяли под защиту мадам де Лонгвиль. Попав в довольно щекотливое положение (необходимо было вмешаться в этот спор и разрешить его), Анна Австрийская приказала провести расследование, в результате которого выяснилось, что письма были написаны не мадам де Лонгвиль, а другой придворной дамой по имени Фокроль, и адресовались не к Морису де Колиньи, а к графу де Молеврье.

Под нажимом сторонников Мазарини королева заставила мадам де Монбазон принести публичные извинения принцессе Конде.

Но «Важные» восприняли это «наказание» как вопиющую несправедливость по отношению к семействам Вандомов и Гизов и после долгого обсуждения решили устроить покушение на Мазарини.

Вот так из-за двух любовных писем был организован заговор, который мог иметь самые тяжелые последствия для королевского трона...

* * *

В назначенный королевой день во дворце Конде появилась мадам де Монбазон. Она являла собой живописную картину: роскошное платье, шляпа, украшенная красными перьями, пальцы рук унизаны кольцами и... презрительная усмешка на губах.

Лакеи, поняв по ее надменному виду, что сейчас им предстоит увидеть интересное зрелище, поспешили занять удобные места, чтобы ничего не упустить из предстоящего спектакля.

Мадам де Монбазон проследовала в гостиную, где ее ожидала в окружении многочисленных друзей принцесса. Войдя с самоуверенным видом в зал, она смерила пренебрежительным взглядом мать соперницы и, не поздоровавшись ни с кем, начала зачитывать приколотую к вееру записку с заранее подготовленными извинениями. «Она ее читала, – вспоминает мадам де Моттевиль, – с таким презрительным выражением лица, которое, казалось, говорило: “Плеть я хотела на то, что мне приходится говорить”».

А после слов: *«Умоляю Вас поверить, что впредь я буду относиться к Вам с уважением и никогда более не поставлю под сомнение добродетель и достоинства мадам де Лонгвиль»*, – она ехидно улыбнулась, и вряд ли среди присутствующих нашелся хотя бы один человек, который не усомнился бы в искренности этих слов.

С трудом сдерживая гнев, принцесса Конде²⁵ произнесла сквозь зубы несколько ответных слов, после чего в комнате воцарилась гнетущая тишина. Не сказав ни слова, мадам де Монбазон покинула салон все с той же усмешкой на губах.

Глубоко оскорбленная поведением герцогини, принцесса Конде добилась от королевы обещания, что никогда больше не увидит при дворе мадам де Монбазон. Некоторое время спустя мадам де Шеврез устроила завтрак в саду Ренар, что находился на краю парка Тюильри. С недавних пор здесь появилась кондитерская, куда любили заходить элегантные дамы после прогулки по Кур-ла-Рен, чтобы выпить что-нибудь и отдохнуть под звуки испанской серенады. Королеве нравился этот уголок парка, и она с удовольствием приняла приглашение мадам де Шеврез, попросив принцессу Конде сопровождать ее.

– А будет ли там мадам де Монбазон?

– Нет, – ответила королева, которая была в курсе всех придворных сплетен. – Сегодня утром она приняла слабительное.

Несмотря даже на такие важные обстоятельства, как прием лекарства, мадам де Монбазон не могла пропустить такой прием. И издалека слышался ее громкий голос и звонкий смех. Принцесса хотела было незаметно уйти, чтобы не портить праздник своим подругам, но королева ее удержала, найдя, как ей казалось, неплохой выход из положения. Подозвав к себе одну из фрейлин, она сказала:

– Попросите мадам де Монбазон *«почувствовать себя плохо»*, чтобы она смогла уехать к себе и избежать таким образом скандала.

Выслушав столь странное пожелание королевы, герцогиня рассмеялась, произнеся несколько нелестных слов в адрес принцессы, и наотрез отказалась покинуть сад.

Разгневанная Анна Австрийская тут же удалась в сопровождении принцессы. А на следующий день мадам де Монбазон получила приказ покинуть Париж и немедленно выехать в Рошфор, где у нее был собственный дом...

* * *

Ссылка мадам де Монбазон переполнила чашу терпения «Важных». «Они так разозлились, – писал Виктор Кузен, – что готовы были пойти на любую крайность и совершить любую жестокость». Герцог де Бофор, самолюбие которого было задето, посчитавший себя униженным и оскорбленным в любовных чувствах к мадам де Монбазон, взывал к мщению громче всех. Таким образом, витавший с недавних пор под крышей Вандомского дворца дух мести нашел себе конкретное воплощение в заговоре против Мазарини»²⁶.

На этот раз «Важные» решили времени даром не терять.

В один из вечеров, когда Мазарини направлялся на ужин к Рене де Лонгею, они расставили по пути его следования наемных убийц, приказав им убить кардинала. Семейства Вандомов, Гизов, мадам де Шеврез решили в действительности воспользоваться благоприятным моментом, когда двор оказался разделенным из-за вышеупомянутых писем на два враждующих лагеря, и одним ударом сокрушить врагов, припугнуть королеву, вернуть себе потерянные при дворе посты, добиться назначения на должность премьер-министра близкого им Шатонефа и тем самым окончательно покончить с политическим наследием Ришелье.

Со злорадством они наблюдали за тем, как кардинал садился в свою карету. У каждого из них в голове вертелась одна единственная мысль, что уж на этот раз они окончательно избавятся от Мазарини. Но в тот момент, когда слуга уже готов был захлопнуть дверцу кареты, на пороге дворца появился старший брат короля, который неожиданно тоже решил побывать на обеде у Рене де Лонгея:

– Подождите меня, я поеду вместе с вами, – воскликнул он, смеясь. – Хороший обед, думаю, мне не повредит.

И занял место в карете рядом с кардиналом, что привело заговорщиков в полное замешательство. Как только карета скрылась из вида, они послали всадника предупредить нанятых ими людей об отмене задуманной акции.

В самом деле, они не могли допустить убийства принца крови герцога Орлеанского. Вот так любовь старшего брата короля к вкусной пище спасла жизнь Мазарини...

* * *

На следующий день до полиции премьер-министра дошли слухи о несостоявшемся покушении после того, как кто-то из наемных убийц прилюдно выразил недовольство отменой приказа.

Узнав о замышлявшемся против него заговоре, Мазарини после разговора с регентшей приказал арестовать герцога Бофора и выслать из Парижа семью Вандомов. Что касается мадам де Шеврез, то ей предписывалось сначала отправиться на поселение в Дампьер, а потом в Анжу. Шатонеф был вынужден выехать в Турен, а епископ Потье – в Бове.

Короче, «Важным» пришлось пережить много волнений. По свидетельству мадам де Монпансье «при дворе за короткий промежуток времени произошли значительные перемены, укрепившие авторитарный характер власти главным образом самого Мазарини».

А некоторое время спустя произошел курьезный случай с находившейся в ссылке в Рошфоре мадам де Монбазон, который окончательно дискредитировал партию «Важных».

Однажды вечером, когда герцогиня принимала у себя очередного любовника, к ней в комнату поднялся до этого спавший этажом ниже муж, который, открыв дверь, спросил:

– Мне послышался какой-то шум. Неужели у нас завелись крысы?

– Вы правы, – спокойно ответила мадам де Монбазон. – Но не стоит беспокоиться, одну я уже поймала...

Такой ответ привел к самым неожиданным последствиям: спрятанный под простыней любовник рассмеялся, и несчастному пришлось спасаться бегством из комнаты совершенно голым под яростные возгласы рассерженного старого герцога...

* * *

В деле о письмах можно было бы поставить точку, если бы вдруг не заговорил человек, который до сих пор хранил молчание (по настоятельной просьбе мадам де Лонгвиль). Речь идет о Морисе де Колиньи, который неожиданно для всех решил защитить как свою собственную честь, так и честь своей «дамы». Не имея возможности вызвать на дуэль Бофора и Вандомов, уже отправленных в ссылку, он решил драться с последним из партии «Важных», который еще оставался в Париже, – герцогом де Гизом.

Дуэль состоялась на Королевской площади в присутствии мадам де Лонгвиль, которой очень хотелось увидеть, как Колиньи дерется из-за ее прекрасных глаз с одним из Гизов... Колиньи, однако, не повезло: после ранения, полученного на дуэли, у него была ампутирована рука, что послужило поводом для куплетов, распевавшихся горожанами на улицах Парижа:

Госпожа де Лонгвиль, ну к чему так страдать?
Слезы портят лицо, вы должны это знать.
Осушите же глазки, перестаньте рыдать —
Колиньи скоро будет здоровым опять.
Да, просил у врага своего он пощады,
Но за это его не должны вы судить.
Он остался живым — будьте ж этому рады:
Снова вашим любовником сможет он быть.

Увы! Рана оказалась настолько серьезной, что бедняга через пять месяцев умер от гангрены.

«Вот так, – писала мадемуазель де Монпансье в своих “Мемуарах”, – закончилась эта трагичная история, нанеся серьезный удар по королевской власти и посеявшая в умах первые семена смуты и сомнения... Быть может, эта история и послужила началом всех беспорядков и волнений, которыми так богато прошлое Франции».

В самом деле, интриги, возникшие вокруг двух любовных писем, привели в конце концов к появлению Фронды...

Глава 3

Испугавшись Фронды, Конде решил найти нового любовника для Анны Австрийской

Во времена Фронды слабый пол принял самое активное участие в шутовском заговоре.

Ж. А. де Сегюр

В начале 1644 года поток критических стрел в адрес Мазарини поубавился. Простые люди, не имеющие привычки долго держать камень за пазухой, ограничивались лишь подмигиванием и многозначительными улыбками, смысл которых был ясен каждому. Что же касается историков, то они напишут в своих трудах, что «Мазарини был первым министром под Анной Австрийской».

Шутка, следует признать, совсем не остроумная, но достаточно скабрзная, чтобы на время отвлечь внимание парижан от каждодневных насущных проблем.

Так прошло четыре года. Но вдруг в 1648 году общественное мнение всколыхнулось с новой силой из-за небольшого дела о налогах, которое враждебно настроило парижан против человека, разделявшего ложе королевы.

Преисполненный показного рвения парламент неожиданно ополчился на своего первого министра, потребовав от него уменьшения податей и учреждения специальной палаты правосудия, которая «должна была заняться расследованием финансовых злоупотреблений».

Дело не приобрело бы столь широкого размаха и страсти бы постепенно улеглись, если бы не вмешательство нескольких красивых и слегка экзальтированных дам. Следует напомнить читателю, что представительницы прекрасного пола, как мы уже об этом говорили, всегда находятся в центре великих событий и более, чем мужчины, подвержены влиянию бредовых идей эпохи. А Европа в то время переживала тяжелый кризис: в Англии по инициативе Кромвеля было устроено судилище над Карлом I, которому вскоре отрубили голову, а в Турции янычары задушили султана Ибрагима. Опыаненные отравленным воздухом своей эпохи женщины, похоже, совсем потеряли голову. Без видимой причины мадам де Лонгвиль, мадам де Шеврез, мадемуазель де Монпансье, затянувшееся девичество которой чрезвычайно ее беспокоило, прекрасная Анна де Гонзаг, будущая принцесса Палантинская, с головой окунулись в политику и стали побуждать мужчин совершать то, что по всем законам им делать не следовало бы.

Вскоре этой «болезнью» заразились все дамы и незамужние девицы королевства. Благодаря Сент-Беву мы знаем, что сказал Мазарини о своих современниках-французах в беседе с первым министром Испании доном Луисом де Хоро: «Ни одна порядочная женщина и ни одна ветреница не позволяла себе лечь в постель с мужем или любовником, не обсудив предварительно все государственные дела. Женщины, преисполненные желанием все видеть и знать, хотели быть в курсе всех событий. Но что хуже всего – они хотели все сделать своими руками, привнося смуту и неразбериху во все государственные дела. А больше всех нам ежедневно досаждали три дамы: герцогиня де Лонгвиль, герцогиня де Шеврез и принцесса Палантинская, доставлявшие нам столько хлопот и неприятностей, не идущих ни в какое сравнение с тем, что происходило при Вавилонском столпотворении».

Смута, привнесенная женщинами, была столь велика, что сегодня практически невозможно с точностью проследить за всеми перипетиями странной гражданской войны, развязанной в то время во Франции.

Под влиянием легкомысленных, слабовольных и просто капризных женщин такие мужчины, как Ларошфуко или Конде, беспрестанно меняли свои убеждения, примыкая то к лагерю сторонников правительства, то к оппозиции. Это происходило настолько часто, что один историк сравнил времена Фронды с балетным спектаклем...

Как известно, арест влиятельного члена парламента Брюсселя стал последней каплей, переполнившей чашу терпения народа. 26 августа²⁷, всего за несколько часов, парижане, выкатив на улицы из винных погребов пустые бочки, соорудили более двух тысяч баррикад²⁸.

А ранним утром 27 августа около ста тысяч парижан вышли с оружием на улицы с благословения странного священнослужителя, который, оставаясь в тени, радовался такому повороту событий.

Звали его Полем де Гонди, и был он коадьютером архиепископа Парижского. Широкой публике он будет позднее более известен под именем кардинала де Рец.

До нас дошло очень мало сведений о жизни этого человека – одного из великих смутянов XVII века. И остался бы он до сих пор никому не известным священнослужителем, если бы не его склонность к любовным похождениям. Кстати, не упустим случая, чтобы еще раз обратить внимание читателя на влияние любви на историю Франции. В самом деле случилось так, что своим возвышением этот священник был обязан именно женщине. А история его пути наверх довольно любопытна и малоизвестна. Вот отрывок из книги одного из летописцев XVII века.

«С ранней юности знаменитый кардинал де Рец начал проявлять интерес к прекрасному полу, на что не замедлил обратить внимание его камердинер. Стремясь завоевать расположение хозяина, он постарался найти средство для удовлетворения его страсти. Поэтому все свое свободное время этот недостойный человек только и занимался тем, что искал и обольщал молоденьких девушек, прямоком попадавших потом в постель его господина. Однажды ему удалось за сто пятьдесят ливров уговорить продавщицу булавок отпустить с ним в Исси свою четырнадцатилетнюю племянницу, девушку редкой красоты, юность и красота которой должны были быть принесены в жертву скупости и низким страстям. А для ее подготовки к ней приставили старшую сестру, которой предписывалось неотлучно находиться при девушке.

На следующий же день в Исси прибыл молодой аббат де Гонди. Увидев его, девочка густо покраснела, глаза ее наполнились слезами, и, не совладав с собой, она задрожала от страха и упала без чувств. Добродетель, где бы она ни проявлялась, всегда вызывает уважение и заставляет порок отступить хотя бы на короткое время. Увидев, в каком состоянии находится девушка, де Гонди застыл в нерешительности, а затем принялся утешать несчастное дитя, не сказав ей в тот вечер о цели своего визита.

Весь следующий день перед глазами аббата стоял нежный образ девушки, а желание вновь увидеть юное создание все более возрастало. Не в силах более сдерживать свои чувства, он устремился в Исси и торопливо попросил свою наложницу отдать ему то, на что он имеет все права. В ответ девушка попыталась убедить аббата в том, что его покарает небо, если он силой вынудит ее уступить, и что ему будет стыдно на следующий день, если он воспользуется плодами позорной сделки с ее недостойной теткой. Обливаясь слезами, она упала перед ним на колени. При виде такой добропорядочности аббат пришел в замешательство. И, проникнувшись глубоким уважением к рассудительной девушке, почувствовав стыд за то, что хотел лишить ее невинности, он тут же решил достойным образом устроить ее судьбу.

С наступлением ночи он посадил девушку в свою карету и повез ее к своей тетке мадам де Менелай, очень набожной женщине, которую попросил позаботиться о девочке. Тетка

охотно согласилась и поместила ее в монастырь, где она и угасла восемнадцать лет спустя от чрезмерного умерщвления плоти.

Набожная мадам де Менелай была потрясена поступком своего племянника и на следующий же день рассказала о случившемся епископу Лизье.

Это был, надо признать, довольно неординарный шаг и, несомненно, правильный, так как прелат, узнав о том, что аббат добровольно отказался от намерения силой овладеть девушкой, пришел в восторг от такого благородства:

– Вот настоящий святой! – воскликнул епископ. – Он заслуживает поощрения. Я расскажу о нем королю и кардиналу Ришелье.

И в тот же вечер поведал государю историю, приключившуюся с племянницей торговки булавками.

Людовик XIII, высоко ценивший в людях честность и порядочность, проникся симпатией к аббату де Гонди и накануне своей кончины попросил королеву перевести его в Париж.

Вот так слезы юной девы помогли возвыситься молодому аббату, который теперь сможет полностью проявить свои недюжие способности обольстителя и разжечь во Франции пожар гражданской войны²⁹».

Кoadьютер, мечтавший основать и возглавить одно из политических движений и стать хозяином Парижа, сумел вскоре в полной мере показать, на что он способен. Пока парижане натягивали поперек улиц железные цепи, называя друг друга фрондерами по названию любимой среди парижской детворы игры, он, надев свою праздничную сутану, в тиши своего кабинета строил планы, которые позволили бы ему избавиться от Мазарини.

Но кардинал вовремя почувствовал нависшую над ним опасность. В шесть часов утра 13 сентября он, уложив багаж, поспешно выехал вместе с Анной Австрийской и дрожащим от страха маленьким королем в Сен-Жермен-ан-Лей.

Узнав о бегстве регентши и кардинала, разгневанные парижане выместили свое недовольство в нецензурных куплетах. На улицах проходим раздавались листовки непристойного содержания. В одной из листовок, называвшейся «Говорящая королевская шкатулка», Анна Австрийская обвинялась в том, что переняла у Мазарини некоторые пороки, которыми, по мнению людской молвы, «славились» итальянцы.

Преступление ее ужасное,
Это нам всем хороший урок.
Поведясь с итальянцем, несчастная
В итальянский впала порок.

* * *

Подписание 24 октября Вестфальского договора³⁰ вернуло Мазарини немного уверенности в себе, и он привез регентшу и юного короля обратно в Париж.

Такой поворот событий не устраивал коадьютера. Теперь ему было необходимо найти пользующегося достаточным влиянием человека, который смог бы успокоить горожан и одновременно встать во главе партии. Вначале он обратился к Конде. Но победитель в битве под Рокруа, также не испытывавший особой любви к Мазарини, ответил отказом на его предложение, посчитав его опасным для королевского трона, и принял сторону регентши.

Разгневанный Поль де Гонди решил тогда привести под знамена Фронды родного брата Конде – принца Конти.

Не отличавшийся большим умом принц (которого сам коадьютер называл «нулем, не подлежащим умножению только по той простой причине, что этот нуль – принц крови») еще со времен своего отрочества любил свою сестру мадам де Лонгвиль, от которой до сих пор был без ума. Его страсть была так сильна, что он носил на руке одну из ее подвязок. Это дало повод некоторым придворным сплетникам судачить о том, что потрясенная до глубины души проявлением столь сильных чувств мадам де Лонгвиль «иногда оказывала ему некоторые знаки внимания»...

Зная об этих разговорах³¹, Поль де Гонди нанес однажды визит к мадам де Лонгвиль и навел ее на мысль об участии во Фронде.

Прелестная герцогиня всерьез заинтересовалась его предложением. Давно мечтая увидеть Конде регентом на месте Анны Австрийской, она, обрадовавшись прекрасной возможности воплотить свои мечты в жизнь, пообещала ввести Конти в состав коалиции.

А вечером ей стоило только намекнуть, и ее брат тут же согласился с ней.

Решив польстить самолюбию этой влиятельной дамы, коадьютер предложил проводить заседания партии в ее доме. И почти каждый вечер у нее в Нуазиле-Руа собирались маршал де Ламот, герцог Бульонский, брат Турен, Бофор, Конти и ряд других лиц.

Все мужчины только говорили и спорили, упражняясь друг перед другом в остроумии, – одним словом, готовились, оттачивая свой язык, предать Францию огню и мечу...

Само собой разумеется, коадьютер не мог не влюбиться в герцогиню с глазами цвета бирюзы. «У меня, – говорил он, – в моем сердце еще есть достаточно места между мадам Гемене и мадам Помере³². Я не могу сказать, что она благосклонно восприняла мои ухаживания. Но будьте уверены, что даже перспектива получить отказ не остановила бы моих устремлений, которые были вначале вполне определенными»³³.

Однако из осторожности он посчитал разумным на время отказаться от своих намерений по отношению к герцогине, брат которой Конти был так необходим Фронде. Не следовало также сбрасывать со счетов и ее мужа господина де Лонгвиля и любовника Ларошфуко (автора «Изречений»)³⁴, которые могли бы оказаться полезными общему делу...

В то же самое время, обеспокоенная усилением оппозиции, Анна Австрийская вызвала войска под командованием Конде, занявшими позиции вокруг Парижа. А в ненастную ночь с 6 на 7 января 1649 года вместе с Мазарини и юным королем под порывами ледяного ветра снова покинула Париж и отправилась в Сен-Жермен.

Ее поспешный отъезд удивил парижан. Уже на следующий день кумушки делились новостью:

– Они от нас уехали, чтобы спокойно заниматься своими мерзостями в деревне!

– В любом случае в такую холодную погоду они не смогут оголить свои задницы, – говорили другие.

Но шутки вскоре прекратились после того, как усилиями агентов Гонди по Парижу распространился слух:

– Регентша окружила город войсками, что бы уморить нас голодом! Это объявление войны.

И тут все началось сначала.

Поселившись в одном из домов на той же улице, где жила мадам де Лонгвиль, коадьютер стал вновь через своих наемных агентов призывать народ к гражданской войне. Каждый раз, когда ему сообщали об убийстве кого-либо из сторонников Мазарини, он испытывал в душе тайное удовольствие, с напускной благочестивостью преклонял колени и сотворял благодарственную молитву...

На этот раз он более тщательно разработал план действий. В его распоряжении в то время находились хорошо вооруженные отряды. Превосходно зная вкусы парижан, он при-

казал отпечатать тексты наиболее злобных песен и непристойных куплетов о Мазарини, за что лицемерно извинился перед своими друзьями. Но для этого ему нужны были деньги, и он обратился за помощью к Испании, готовой финансировать политические акции, способные привести к беспорядкам во Франции.

О таком явном предательстве государственных интересов простые люди, разумеется, не знали. Доведенные при помощи нескольких «революционных» песен до фанатизма, парижане строили баррикады, свято веря, что выступают «против тирании»³⁵.

Однако Поль де Гонди с некоторых пор начал понимать, что ошибся, полагая, что идея гражданской войны найдет широкую поддержку у населения. Обеспокоенный таким неожиданным для него открытием после тщательного расследования, он выяснил, что парижане подозревают союзников в двойной игре.

Для их успокоения необходимо было предпринять срочные меры. И коадьютер нашел довольно удачное решение: направив принца Конти, герцога де Лонгвиля, герцога Бульонского и маршала де Ламота в помощь парламенту, он поселил мадам де Лонгвиль вместе с герцогиней Бульонской и их детьми в здании городской ратуши, превратив в заложниц, отвечавших головой за верность Фронде их мужей. Уловка удалась на славу. В одно мгновение Париж преобразился. По свидетельству Сотро де Марси, у горожан не осталось сомнений в лояльности союзников. «Толпы людей заполнили Гревскую площадь, и не нашлось ни одного человека, по лицу которого не текли бы слезы умиления при виде на балконе городской ратуши двух знатных дам в простых одеждах, державших на руках таких же прекрасных, как и они сами, малолетних детей»³⁶. К тому же мадам де Лонгвиль была на последнем месяце беременности, что не мешало, впрочем, ей проводить заседания, не выходя из своей комнаты. К концу января, когда войска Конде входили в столицу, она родила мальчика, назвав его без ложной скромности Парисом³⁷...

Несмотря на подобные балаганные сцены, ставшие предвестницами «большого карнавала» Великой французской революции, гражданская война шла своим чередом. Неделью спустя Конде наголову разбил гарнизон Шаретона, при этом противник только убитыми оставил на поле боя около двух тысяч солдат. Но руководителей восстания нисколько не тронула такая жестокость. Кровопролитие никак не могло испортить им настроение. Пока у стен столицы шли бои, мадам де Лонгвиль устраивала выступления скрипачей в своей комнате (где заседал Большой совет Фронды), а герцогиня Бульонская танцевала. Что же касается самого коадьютера, то ему каждый вечер приводили молоденьких, но уже опытных в любовных делах белошвеек, в объятиях которых он напрочь забывал о политике, находясь целиком во власти наслаждений, весьма предосудительных для духовного лица...

А в окрестностях Парижа бои шли уже не одну неделю. Не разбираясь в политике, разделившей их на две враждующие армии, тысячи солдат королевы и Гонди гибли на поле брани. Бедняги и не догадывались, что они умирали из-за прекрасных глазок молоденькой племянницы продавщицы булавок...

* * *

Вскоре Фронда добилась таких значительных успехов, что возникла реальная угроза существованию королевской власти.

Не на шутку испугавшись тревожной ситуации, сложившейся вокруг Парижа, Конде решил принести в жертву Мазарини, чтобы спасти корону. Зная, что народ ненавидит италянца и довольно сносно относится к Анне Австрийской, он решил подыскать ей нового любовника. Его выбор пал на чванливого щеголя маркиза де Жарзе, часто бывавшего при

дворе. Вызвав его к себе, он сумел убедить маркиза, что королева давно равнодушна к его внешности.

– Ее Королевское Величество, – сказал он, – достигла того возраста³⁸, когда женщинам начинают нравиться молодые люди. Проявите немного любезности, и ваша карьера обеспечена...

В восторге от открывшейся перед ним блестящей перспективы, молодой человек поспешил во дворец и, заручившись поддержкой первой королевской камеристки мадам де Бове, со знанием дела стал разыгрывать роль влюбленного.

Поначалу регентше польстило внимание юноши, и Конде уже решил, что достиг своей цели. Зная горячий темперамент Анны Австрийской, он был уверен, что она не устоит перед бархатным взором маркиза де Жарзе, а это будет означать конец правления Мазарини.

Когда, по его мнению, настал момент для перехода к решительным действиям, он передал молодому человеку записку, в которой было всего лишь одно слово: «Вперед!»

Маркиз только и ждал этого знака. Войдя в гостиную, он встал перед королевой, устремив на нее красноречивый взор. Анна Австрийская, вероятно, не догадывалась о ловушке, подстроенной ей Конде, но, влюбленная в Мазарини, она нашла поведение молодого человека вызывающим.

– Господин де Жарзе, – воскликнула она, – вы ставите себя в смешное положение. Мне сказали, что вы влюблены. Посмотрите на себя со стороны. У вас жалкий вид. Вас следовало бы отправить в больницу для умалишенных. И я ни сколько не удивлена вашему безумству. В вашем роду уже случалось нечто подобное³⁹.

Мадам де Моттевиль, присутствовавшая при этой сцене, добавляет в своих «Мемуарах»: «У бедняги был такой вид, словно его поразила молния. Он вышел из комнаты удрученный и бледный как полотно».

Далекоидущим планам Конде не суждено было сбыться. Регентша не изменила кардиналу.

А Фронда набирала силу.

Разжигаемое коадьютером пламя восстания охватило всю Францию.

И тогда королева, следуя совету Мазарини, который уже всерьез начал опасаться за свою жизнь, согласилась на переговоры. Парламент собрался в Сен-Жермен-ан-Лей и, несмотря на неуступчивость Гонди, 1 апреля был подписан мир, после того как Анна Австрийская приняла все условия противной стороны. Пойдя на большие уступки, она объявила о полной амнистии участников Фронды. Но простить Конде его попытку уложить в ее постель маркиза де Жарзе она так и не смогла. И 18 июня 1650 года по ее приказу были арестованы Конде, Конти и Лонгвиль.

Известие об их аресте было с ликованием встречено парижанами, непостоянство которых давно составляло отличительную черту их характера. Что же касается мадам де Лонгвиль, то она скрылась в Нормандии...

Так закончилась парламентская Фронда. Но Фронда принцев крови только зарождалась.

* * *

В 1651 году Мазарини, старавшийся ограничить все возрастающее влияние на политику государства экзальтированных знатных дам, добился высылки из Парижа нескольких графинь. И тотчас Париж облетели куплеты, автором которых был Бло – «штатный остро слов» на службе старшего брата короля. Они дают нам представление о том, с какой яростью сочинители ходивших в народе песенок высмеивали тех, кто управлял королевством:

Мазарини, этот нахал,
Из Парижа всех... изгнал.
Вот уже предатель!
Каков неприятель!
Только злобствует он зря:
Кем бы он был, приключений искатель,
Лон ля,
Без... вдовы короля?
У меня злости мало
На месье кардинала,
С иностранца что взять?
Его можно понять:
Отомстить пожелал, заварив эту кашу,
Но хотелось бы мне задушить и распять,
Лон ля,
Королеву-распутницу нашу⁴⁰.

Хотя самолюбие Мазарини было задето, он не предпринял никаких действий.
А через несколько недель его тайные агенты положили ему на стол следующий куплет:

А пошли бы вы в...
Господин Мазарини,
Опозорив на всю нас Европу,
Вы запачкали Францию семенем гнусным,
Что рождается в вашей «машине»,
Если Анна не может ни дня без мужчины,
Ей нашли бы мы такого партнера,
Чтоб ее «обработал» без разговора.
И «Священство» тогда бы не стало ей нужным,
И распутства исчезли б причины⁴¹.

На этот раз нервы кардинала сдали. Он пошел к королеве и заявил, что не желает больше оставаться в Париже, где к нему так плохо относится народ. В ответ Анна Австрийская разрыдалась.

Перспектива остаться соломенной вдовой приводила ее в ужас. Всю ночь она жалобно стонала в своей постели, но кардинал был непреклонен.

6 февраля, укрывшись красной мантией и прикрыв голову шляпой с перьями, никем не узнанный кардинал покинул Лувр. А неделю спустя он уже был в надежном укрытии в Брюле у кардинала Кельна...

Оставшись в одиночестве, королева впала в отчаяние. Но постигшее ее несчастье вызывало лишь улыбки у придворных. Что же касается простых людей, они высказывались более откровенно:

– Королева болеет всякий раз, когда рядом с ней нет кардинала, только он один может ее вылечить, пошлепав по заднице.

Конечно, стиль этой фразы далек от изысканного языка Расина, которым тот позднее пользовался для выражения тех же чувств.

Но вскоре королева решилась на отчаянный шаг, чтобы воссоединиться со своим ненаглядным любовником, без которого она не представляла себе жизни. На свою беду, она поде-

лилась своим планом с самыми близкими друзьями, от которых фронтеры и узнали о ее намерении покинуть столицу. Кoadьютер Парижа снова, в который уж раз воззвал к народу, и тот, ответив на его призыв, окружил толпой Пале-Рояль.

Королева, однако, не растерялась. Она приказала охране широко распахнуть двери дворца и впустить всех желающих. Простые горожане ринулись внутрь дворца, где их с приветливой улыбкой на устах встретила Анна Австрийская.

– Я разрешила вам войти потому, – сказала она, – что меня окружают враги и только среди вас я могу чувствовать себя в безопасности.

Ее слова застали парижан врасплох. Однако из толпы послышался чей-то голос:

– Нам сказали, что этой ночью вы собираетесь уехать и что король уже одет. Правда ли это?

Анна была готова ответить на такой вопрос. Не говоря ни слова, она направилась в сопровождении растерянных горожан к королевской спальне и, войдя, раздвинула полог, прикрывающий кровать, в которой мирно спал Людовик XIV.

Пристыженные парижане на цыпочках покинули королевские покои.

После всех волнений, выпавших на ее долю в тот вечер, регентша поняла, что ее любовь едва не привела к непоправимой ошибке, последуй она за Мазарини. Некоторое время спустя кардиналу удалось передать ей письмо, написанное 10 мая 1651 года, в котором он клялся ей в вечной любви. Мы решили привести его полностью. Ознакомившись с ним, читатель сможет убедиться, насколько заблуждаются те историки, которые до сих пор продолжают утверждать, что кардинала и регентшу связывали одни лишь узы дружбы...

«Видит Бог, как я был бы счастлив, если бы Вы могли заглянуть в мое сердце. Вы бы тотчас же убедились в том, что никогда и ни к кому, кроме Вас, я не испытывал такой глубокой привязанности, как испытываю к Вам. Клянусь, что никогда раньше я не мог себе

даже представить, что стану так горевать, когда дела заставят меня отвлечься от мыслей о Вас.

Я верю, что Ваши дружеские чувства ко мне выдержат все испытания, и принимаю их такими, какие они есть. Что же касается меня, то я могу Вам только сказать, что испытываю к Вам нечто большее. Упрекая себя ежечасно в том, что не могу представить убедительного доказательства моего к Вам расположения, я строю самые дерзкие планы, которые позволили бы мне увидеться с Вами. И если я до сих пор их не осуществил, то только потому, что одни из них просто невыполнимы, а другие могут повредить Вам. Иначе я бы не пожалея и тысячи жизней, чтобы сделать хотя бы одну попытку. И если не пройду курса лечения, я не выздоровлю и не сохраню благоразумие, необходимое мне до конца. Ибо осторожность никак не сочетается со страстью, которую я испытываю к Вам. Я заранее прошу прощения, если ошибаюсь, но, будь я на Вашем месте, я бы что-нибудь придумал, чтобы дать Другу возможность увидеть меня... Прошу сообщить мне, увижу ли я Вас когда, ибо так долго продолжаться не может. Для меня разлука хуже смерти... Мой самый злейший враг стал бы моим лучшим другом, если бы он помог мне увидеться с Серафином»⁴³.

Это послание, совершенно не похожее на письма, отправляемые обычно министрами своей государыне, заканчивалось словами, скорее походившими на крик души Мазарини:

«Поверьте мне, что со времен Адама никто так не страдал, как я.

*Будьте всегда +⁴⁴, ибо Друг до самой смерти *⁴⁵».*

Но с Фрондой еще не было покончено. Недавно выпущенный на свободу Конде, пытаясь с помощью аристократов лишить Анну Австрийскую власти и добиться принятия закона, по которому совершеннолетие короля наступает в восемнадцать лет, лелеял надежду самому занять трон⁴⁶.

Получая сообщения от своих тайных осведомителей, Мазарини с беспокойством следил за тайными маневрами победителя под Рокруа, пытаясь из своего маленького кабинета в Брюле укрепить пошатнувшийся трон своей возлюбленной. С некоторых пор любовные письма, посылаемые им королеве, содержали зашифрованные советы, касающиеся политических шагов, которые ей было необходимо предпринять в самое ближайшее время для того, чтобы эффективно противостоять бунтовщикам.

Результаты этой переписки не замедлили сказаться на политической обстановке во Франции: 6 сентября Конде открыто заявил о своем несогласии с королевой, а уже 7 сентября было объявлено о совершеннолетии Людовика XIV... Это решение, спасшее Францию от раскола, было подсказано, разумеется, Мазарини.

* * *

30 января 1652 года кардинал смог наконец вернуться во Францию. Но Фронда еще продолжала существовать. И пока Конде, обретя союзников в лице испанцев, разорял Гиень, Великая Мадемуазель, мечтавшая затмить славу Жанны д'Арк, в окружении штаба амазонок строила планы по созданию своего войска для борьбы против королевской армии.

Увы! Мадемуазель де Монпансье можно было сравнить с прославленной уроженкой провинции Лорен только в одном: ее в насмешку прозвали Великой Орлеанской девой...

Всего лишь одного любовника оказалось бы достаточно, чтобы погасить пламя, бушующее в крови этой опасной истерички. Но она предпочитала сохранять девственность, мечтая когда-нибудь выйти замуж за короля, которого уже называла про себя муженьком.

Но настанет время, и она совершит экстравагантный поступок, который навсегда станет препятствием к заключению этого брака и одновременно причиной долгих мучений, вызванных безбрачием Великой Мадемуазель.

* * *

В начале июля армия Конде, окруженная королевскими войсками под командованием Турена, попыталась укрыться в Париже, но, так как городские ополченцы были начеку, принц смог пробиться лишь до закрытых городских ворот. А в Сент-Антуанском предместье он неожиданно наткнулся на большой отряд Турена, встреча с которым не сулила ему ничего хорошего. Принц понял, что не ошибся в намерениях Турена, когда услышал первый залп мушкетов, ставший предвестником кровопролитной битвы. Все утро противоборствующие стороны только тем и занимались, что убивали друг друга, прерываясь время от времени на короткие передышки. Стояла такая жара, что солдаты просто вынуждены были иногда опускать шпаги, чтобы утереть пот с лица и снять свои кольчуги. Дело дошло до того, что даже сам Конде, «обливаясь потом», разделся донага и начал кататься по траве, «словно лошадь». Затем, снова облачившись в доспехи, ринулся в самую гущу сражения⁴⁷.

После нескольких часов жестокой рубки уже казалось, что мятежный принц, прижатый вместе со своим воинством к стенам Парижа, терпит поражение, как неожиданно заговорили пушки Бастилии...

На королевскую рать обрушился град пушечных ядер, выбив из седел множество всадников и посеяв среди них панику, которой незамедлительно воспользовался Конде.

Кто же пришел на помощь победителю при Рокруа? Конечно же, Великая Мадемуазель. В окружении своих «маршалов» в нарядных туалетах и в шляпах, украшенных перьями, она поднялась на смотровую площадку Бастилии и приказала открыть огонь по королевским войскам...

Неслыханный и безрассудный поступок, совсем не подходящий для женщины, собиравшейся выйти замуж за Людовика XIV.

А вечером Мадемуазель праздновала победу, танцуя и осушая бокал за бокалом, в то время как ей на самом деле подобало бы закрыться в своей комнате и дать волю слезам.

Безусловно, спасая Конде, она вписала новую увлекательную главу в историю Франции, но в то же самое время, по словам Мазарини, «она была вынуждена навсегда расстаться с мечтой о замужестве...».

«В течение долгих лет, – писал Пьер Менар в своих “Мемуарах”, – несчастная женщина испытывала муки вынужденного безбрачия, что пагубно сказывалось на ее умственных способностях, портило характер, даже во взгляде ее широко распахнутых глаз, растерянно смотревших на мир, появился какой-то лихорадочный блеск».

Бедняжка!..

Глава 4

Как камеристка лишила невинности Людовика XIV

Часто возникает необходимость обращаться за помощью к тем, кто находится ниже тебя по положению.

Народная мудрость

В то время когда благодаря проискам Конде и Великой мадемуазель над королевским тронном начали сгущаться тучи, не проявлявший ни малейшего интереса к политике Людовик XIV обратил свой взор на округлые формы придворных девиц.

Ему уже исполнилось четырнадцать лет. И с недавних пор его стали беспокоить «неведомые ему до сих пор порывы». Его половое созревание было, впрочем, столь ранним, что королеве-матери пришлось неоднократно вмешиваться, чтобы предотвратить то, что нечаянно могло произойти между ним и одной из его подданных...

В двенадцать лет он страстно влюбился в жену маршала Шомберга, в ту самую женщину, которую обожал его папаша, когда ее еще называли мадемуазель де Отфор. Он нежно обнимал супругу маршала, укладывал в свою постель, гладил руки, а волосы целовал с такой страстью, что это вдохновило Лемоена изобразить феникса на фоне пылающего костра, сопроводив рисунок надписью: «*Me quoque post patrem*» («Я тоже после моего отца»). Хотя природа и наделила его хорошими физическими данными, особенно важными для любовника, не шедшими ни в какое сравнение с теми, какими располагал Людовик XIII, юный король не смог овладеть прекрасной маршальской женой. Опасаясь за добродетель своего сына, Анна Австрийская держала его под неусыпным надзором, а его камердинер получил строжайший приказ не оставлять ни под каким предлогом молодого наследника наедине с женщиной.

Правда, ради справедливости следует сказать, что все без исключения придворные дамы оспаривали пальму первенства, соревнуясь, кому из них выпадет счастье первой завлечь короля в свою постель и удостоиться великой чести и удовольствия лишить его невинности...

Некоторые придворные дамы пытались обратить на себя его внимание тем, что прогуливались перед ним в открытых платьях, едва прикрывавших их женские прелести, другие будто нечаянно приоткрывали свою грудь. Были и такие, которые дошли до того, что за закрытыми дверьми делали непристойные и совсем неуместные жесты...

Одна из них, герцогиня де Шатийон, с таким рвением стремилась пробудить желание молодого короля, что стала предметом всеобщих насмешек. А ее старания нашли отражение в песенке довольно нравоучительного содержания:

Вы приманку свою, госпожа Шатийон,
Для другого поберегите.
Отложите попытки до лучших времен:
Короля вы навряд соблазните.
Да, любезен он с вами.
Но, по правде сказать
(Вы должны это чувствовать сами),
Красотой не юнца вы должны совращать,
А серьезное что-то искать.

Но прекрасная герцогиня и не собиралась следовать мудрым наставлениям. Однажды вечером ее застали вместе с королем за ширмой, где они с увлечением предавались известным забавам, в которых не последнюю роль играли руки...

Обеспокоенная случившимся, Анна Австрийская поспешила оградить сына от неприемчивой соблазнительницы, тут же удалив мадам де Шатийон из дворца.

Однако вскоре после одного довольно странного случая, о котором упоминает в своей книге Лапорт, королева-мать поняла, что усилия ее не приносят желаемых результатов.

Переезжавшая из города в город королевская свита вместе с дворцом находилась летом 1652 года в Мелуне. И однажды король был приглашен кардиналом на обед в один из его особняков, располагавшийся в глубине простиравшегося вплоть до Сены прекрасного сада. Около шести часов вечера Людовик, прервав свою проходившую с глаза на глаз беседу с Мазарини, послал слугу предупредить своего камердинера о том, что намеревается искупаться в реке.

Минут через тридцать он уже выходил из дома и направлялся к берегу, где все уже было приготовлено к купанию. И тут Лапорт обратил внимание на то, что король был явно чем-то взволнован. Помогая Людовику раздеться, он тщательно осмотрел тело государя и, заметив «ужасную вещь», понял, что кто-то воспользовался наивностью подростка и совершил над ним предосудительные действия.

Расстроенный Лапорт после долгих колебаний отправил королеве-матери письмо следующего содержания:

«Мадам!

Во время обеда у кардинала король попросил меня часов в шесть вечера подготовить для него все необходимое для купания в реке... Когда он вышел, я обратил внимание на его необычайно удрученный вид. При раздевании у него на теле обнаружились столь очевидные следы насилия, что ни у меня, ни у Бонтама, святого отца, ни у Моро не осталось и тени сомнения в том, что с ним только что произошло. Но они, видимо, оказались более опытными придворными, чем я, не сказав никому ни слова об увиденном. А я не могу молчать, несмотря на возможные неприятные последствия... И виной тому только моя преданность и мое понимание служебного долга. Ваше Величество, я уже упомянул о том, что у короля был удрученный вид, явно свидетельствовавший о том, что над ним было совершено насилие и он с неприязнью относится к виновнику содеянного. Но я бы не хотел, мадам, обвинять кого бы то ни было, опасаясь совершить ошибку».

Лапорт не назвал конкретного имени, но королева отлично поняла, кого он имел в виду. В слезах она бросилась к Мазарини, который, естественно, стал отрицать попытку изнасилования короля, и потребовал немедленно изгнать камердинера.

Лапорт в отместку рассказал эту историю при дворе, дав повод придворным острякам приписать кардиналу желание «немного расширить круг развлечений молодого короля»...

В действительности никто ничего в точности не знал. И до сих пор неизвестно, заметил ли что-либо необычное Лапорт, помогая раздеваться Людовику XIV, или же он все это просто-напросто придумал.

* * *

Как бы там ни было, но этот загадочный случай имел неожиданные последствия: Анна Австрийская, опасаясь, что такого рода случайности могут приобщить ее сына к «итальянскому пороку», широко распространенному в то время при дворе, поняла, что только женщины смогут удержать ее сына на правильном пути...

По ее указанию подростка перестали опекать до такой степени, что первая камеристка королевы мадам де Бове, не отличавшаяся в ранней молодости строгостью нравов, решила не упустить случая и однажды, когда юный король выходил из ванной комнаты, увлекла его в свою комнату и, проворно задрав юбку, преподала ему первый урок любви.

В ту пору ему исполнилось пятнадцать лет, а ей было сорок два⁴⁸.

Людовику XIV настолько понравилось такое занятие, что на следующий же день он вновь посетил мадам де Бове, чей горячий темперамент прекрасно сочетался с его юношеским пылом. Некоторое время спустя ему захотелось немного разнообразия и, по словам Сен-Симона, «ему приходилась по вкусу любая женщина, оказавшаяся под рукой».

Случалось, что двери оказывались закрытыми на ключ, но король не пасовал перед трудностями. Не раздумывая ни секунды, он взбирался на крышу и по водосточной трубе спускался к открытому окну. Однажды он попал в свой гарем через дымоход камина...

Разумеется, слухи о ночных похождениях молодого короля дошли до мадам де Навай, и она распорядилась перекрыть решетками все входы и выходы. Но Людовика XIV было не так-то легко остановить. Он приказал каменщикам устроить в стене потайную дверь, ведущую в спальню гостеприимных девушек.

Днем дверь была прикрыта спинкой кровати, а ночью король благополучно попадал через нее к своим милым фрейлинам. Но через несколько дней бдительная мадам де Навай обнаружила тайный ход и приказала замуровать стену наглухо. Вечером, когда Людовик XIV намеревался, как обычно, навестить своих прелестных подруг, в том месте, где еще накануне располагалась дверь, он наткнулся на абсолютно гладкую стенку.

Разгневанный король сразу понял, кому обязан своей неудачей. Возвратившись ни с чем в свою комнату, он тут же послал к мадам де Навай и ее мужу слугу с сообщением о том, что освобождает их от всех обязанностей при дворе и приказывает немедленно выехать в Гиень.

Уже в пятнадцатилетнем возрасте Людовик XIV не терпел, когда ему чинили препятствия...

* * *

Вскоре после этого случая любовницей молодого монарха стала дочь садовника. Желая, видимо, доказать ему свою признательность, девушка забеременела.

Анна Австрийская с огорчением узнала о рождении ребенка, в то время как при дворе новость вызвала только усмешки. Некоторых придворных, однако, корбила такая неумемная тяга короля к плотским утехам. Во время балетного спектакля, в котором принимал участие Его Величество, Бенсерад вложил в уста одного из актеров, обратившегося к королю, игравшему роль развратника, неслыханные по своей смелости слова:

Какая картина открылась для нас,
Мы оторвать не можем глаз.
Свою ли вы играете роль?
Уж очень к тому же ваш стан изменился...
Не может так быть, чтобы славный король
В распутника вдруг превратился!
Ведь даже и регент, и цензор любой
Всегда снисходительны будут душой
К желаниям юности резвой,
А двор вас тогда непременно поймет,
Когда в вашей близости трезвой

Хоть малую каплю любви он найдет.
Но знать надо меру всему и всегда.
Метаться же все время туда и сюда,
Одну на другую любовниц менять
И непостоянством гордиться,
Во всем своим прихотям потакать —
Такое, мой друг, никуда не годится!

Увы! Несмотря на такую открытую и прямую критику, король пропустил ее мимо ушей и неумоимо продолжал искать все новых и новых наслаждений до конца своих дней...

Глава 5

Как с помощью Марии Манчини Людовик XIV стал Королем-Солнце

Без ее участия он так бы и остался неотесанным грубияном.
Пьер Лембер

Если ночи Людовик XIV проводил с фрейлинами своей матери, то в дневные часы он предпочитал компанию племянниц Мазарини.

Желая помочь своим родственникам, кардинал пригласил к себе из Италии детей двух своих сестер – мадам Мартиноцци и мадам Манчини. Первый обоз с юными итальянками прибыл в Париж в 1647 году. С ним приехали Анна-Мария Мартиноцци, Лаура Мартиноцци, Олимпия Манчини и Лаура Манчини. Со вторым обозом прибыли еще три сестры Манчини: Гортензия, Мария-Анна и Мария, судьба которой будет впоследствии воспета Расином.

Необходимо заметить, что все юные итальянки были скорее дурнушками, чем красавицами. По воспоминаниям современников, они были худенькие, чернявые, с вьющимися волосами, огромными круглыми глазами на смуглых личиках. Со стороны они походили на стадо заблудших ягнят...

Глаза их всем напоминают совы,
Слой пудры даже шевелится,
Как своды преисподней брови
И как у трубочистов лица.

Вот такие куплеты распевали о них при дворе. Однако это не помешало Людовику XIV отлично проводить время в их обществе. После совместных игр в саду Пале-Рояля (где однажды он чуть не утонул в бассейне) он устраивал вместе с девушками балы и другие увеселения, которые позволяли придворной молодежи «под прикрытием искусства слегка попирать нормы благопристойного поведения»...

Именно тогда он неожиданно для всех увлекся своей ровесницей Олимпией, второй дочерью Манчини.

Двор узнал о его влюбленности во время празднования Рождества 1654 года. Не стараясь скрыть от придворных обуявшую его страсть, Людовик XIV избрал Олимпию королевой предновогоднего праздничного карнавала. Как пишет в своих воспоминаниях де Моттевиль, «он то и дело приглашал ее танцевать, отдавая ей перед всеми предпочтение и осыпая ее всеми знаками внимания, на которые только была способна фантазия влюбленного. Кажется, что все праздники и развлечения были устроены только ради нее и что сам бал был организован именно в ее честь».

Столь явные знаки внимания, естественно, позабавили гостей Пале-Рояля, но вскоре в Париже стали поговаривать о том, что Олимпия станет королевой Франции.

Королева-мать не на шутку встревожилась, когда до нее дошли ходившие среди горожан слухи. Если она закрывала глаза на ухаживания своего сына за племянницей Мазарини, то допустить, по образному выражению мадам де Моттевиль, «чтобы об этом увлечении говорили как о свершившемся факте, который мог закончиться браком», она не могла...

И юная Олимпия, пользовавшаяся большим влиянием на короля и надеявшаяся втайне заполнить корону Франции, получила приказ покинуть Париж.

Мазарини поспешил выдать племянницу замуж за графа де Сауссона...

Такая неожиданная развязка любовной идиллии, столь умилявшей придворных, удивила всех. Но, вопреки опасениям горожан, Людовик XIV не долго горевал по поводу отъезда Олимпии. Уже через несколько дней он возобновил свои ночные похождения, усердно и методично лишая невинности фрейлин королевы.

Придворные фрейлины были существами скрытными, загадочными и непредсказуемыми. Самые, казалось бы, невинные из них преподносили тем, кто хотел поближе их узнать, довольно неожиданные сюрпризы. Вот только несколько строчек из «Истории болезни Людовика XIV» доктора Валло:

«В начале мая 1655 года, перед тем как отправиться на войну, мне сообщили о том, что на ночных рубашках короля появились какие-то подозрительные пятна, что навело меня на мысль о заболевании, которого следовало бы опасаться.

Люди, сообщившие мне об этом, не имели никакого представления о причине недомогания и предположили вначале, что пятна появились в результате поллюции. Но при более обстоятельном обследовании я пришел к выводу, что речь идет о серьезном заболевании»⁴⁹.

Но добросовестный Валло ошибался. Король подхватил от одной из девиц, состоявшей на службе при дворе, известную болезнь, которая становится своего рода расплатой за полученные удовольствия. Несмотря на характерные признаки болезни, доктор усмотрел причину болезни в верховой езде:

«Вы слишком много ездите верхом и занимаетесь вольтижировкой, — заявил он королю. — У вас ослабли органы, предназначенные для деторождения. Вам следует более бережно относиться к своему здоровью. И прежде всего отказаться от езды верхом...»

Государь только улыбнулся в ответ, подумав о той особой верховой езде и особой вольтижировке, в результате которой он и получил свою болезнь. Но врачу он ничего не сказал, и Валло выписал ему несколько безобидных лекарств. Время шло. Через месяц болезнь обострилась, и простодушный лекарь наконец понял, каким недугом страдал Людовик XIV.

Встревоженный врач поставил королю клизму, избрав, надо признать, довольно любопытный способ лечения данной болезни...

Но в дальнейшем ему пришлось принять более серьезные меры, о чем свидетельствуют записи в дневнике Валло:

«В качестве микстуры я назначил Его Величеству отвар, приготовленный из толченых оленьих рогов и слоновой кости, в который я бросил две или три крупинки соли». Затем больному промыли желудок муравьиным спиртом, настоящим на клешнях рака. Увы! Лекарства не помогали. На протяжении всей Фламандской кампании король, которому Валло на всякий случай дал настойку из черноголовков, так страдал от своей венерической болезни, что не мог сосредоточиться должным образом на делах военных.

После семи месяцев разнообразного, порой странного по современным понятиям лечения Людовик XIV наконец почувствовал себя лучше и снова стал играть на своей «расстроенной дудочке» при посещении фрейлин...

* * *

В 1657 году король нечаянно заглянул в лицо одной из фрейлин, которых он в основном знал по заветному месту, где, по мнению поборников нравственности, располагается женская добродетель, и неожиданно влюбился. Счастливицу звали мадемуазель де Ламот д'Аржанкур.

Мазарини, недовольный тем, что Людовик XIV нашел фаворитку на стороне, вне семейного круга, решил раскрыть ему глаза и рассказал о том, что крошка де Ламот была любовницей герцога Ришелье и что однажды вечером придворные застали их на табуретке, когда они занимались любовью.

Людовик XIV тут же порвал с красавицей и, чтобы поскорее ее забыть, отправился во главе армии на север, не забыв прихватить, однако, с собой на всякий случай вояку Тюрена...

Пока король с большой осторожностью вел боевые действия, в Кузьере, недалеко от Тура, происходили довольно странные события.

Именно здесь проживала со дня смерти своего мужа пылкая красавица мадам де Монбазон, давняя соперница мадам де Лонгвиль, выбравшая здешние места, чтобы находиться рядом со своим любовником – молодым каноником Арман-Жаном Лебутийе де Рансе.

Их связь, наделавшая в свое время немало шума, была известна всем при дворе. Братья Туранжо сочинили о любовниках злые куплеты, а маршал д'Окинкур – старый поклонник герцогини – написал позднее: «Самая прекрасная из прекрасных водила меня за нос... Около нее постоянно крутился некий аббат Рансе, который на людях говорил с ней о благочестии, а наедине делал совсем другое...»

В апреле 1657 года случилось так, что мадам де Монбазон, заболев краснухой – разновидностью кори, – скоропостижно скончалась. Пришедшие вскоре после ее кончины плотники сняли мерку для гроба. Ошиблись ли они в своих расчетах? Или слишком много выпили доброго местного вина? Это навсегда останется неизвестным. Но когда они вернулись вечером и принесли гроб, чтобы положить в него тело, он оказался слишком коротким для усопшей.

Кто-то на их месте, возможно, и сколотил бы другой, подлиннее. Но местные мастера не любили попусту переводить дефицитное в те времена дерево. Поглядев друг на друга, они пожали в недоумении плечами, а затем, поплевав на руки, острой пилой отпилили голову мадам де Монбазон. Укороченное таким образом тело легко поместилось в гробу. Посчитав свое дело законченным, славные жители города аккуратно положили голову на стоящий рядом стул и ушли.

А два часа спустя, узнав о болезни своей любовницы, примчался Рансе. Представшее перед ним зрелище настолько его потрясло, что он, если верить легенде, совершил странный поступок: взяв голову любимой женщины, он завернул ее в полотенце и унес к себе домой⁵⁰.

В Пале-Рояле эту историю вспоминали с ужасом. Но нашлись остроусловы, которые начали по этому поводу отпускать сомнительные шутки. Зная о том, что в постели мадам де Монбазон побывали не только все придворные, иностранные послы и весь генералитет, но также лакеи и почти все brave охранники, они заявили, что герцогине, когда она отправлялась на небеса, было от чего потерять голову, вспоминая своих многочисленных любовников...

Разговоры о смерти мадам де Монбазон вскоре прекратились, поскольку внимание двора переключилось на события, происходившие на войне, когда войска Людовика XIV находились под Дюнкерком.

Увы! Заняв выгодную позицию (12 июня 1658 года), король слег в постель с высокой температурой. На протяжении двух недель он находился между жизнью и смертью. И несмотря на то, что все королевство молилось за него, 29 июня Людовику XIV стало так плохо, что его решили причастить.

Посчитав, что королю осталось жить считанные минуты, свита оставила его одного. «И вот в этот смертный час, – вспоминает Ж. Лер, – когда взоры всех придворных уже обратились к будущему королю, умирающий приоткрыл глаза и увидел высокую девушку в слезах. Это и была Мария Манчини, вторая племянница Мазарини. Ей только что исполнилось семнадцать лет»⁵¹.

Она давно и беззаветно любила короля. Людовик XIV не мог оторвать от нее горящего лихорадочным блеском взгляда. «Она была смуглой и черноволосой, – пишет мадам де Моттевилль, – а ее большие черные глаза, которые еще были лишены огня страсти, смотрели на

мир сурово, рот у нее был велик, а губы плохо очерчены. И если бы не красивые зубы, ее вполне можно было бы назвать дурнушкой»⁵².

По ее горестному виду король с волнением понял, что она его искренне любит. Именно в этот момент врач дал больному новое лекарство, приготовленное из «сурьмы, настоящей на вине». И надо признать, что средство оказалось весьма эффективным. Людовик XIV быстро поправился и поспешил вернуться в Париж, чтобы увидеться с Марией наедине...

Увидев девушку вновь, король понял «по учащенному биению своего сердца и некоторым другим признакам», что влюбился. Однако, не подавая вида, он ограничился тем, что пригласил ее вместе с сестрами в Фонтенбло, где решил остановиться до полного выздоровления.

На протяжении нескольких недель король совершал под звуки скрипок прогулки на лодках, принимал участие до полуночи под сенью высоких деревьев в балетных спектаклях, в которых Мария играла роль королевы.

Спустя некоторое время двор вернулся в Париж. Сердце девушки было переполнено счастьем. «Возвращаясь, я узнала, – писала она впоследствии в своих “Воспоминаниях”, – что король не испытывает ко мне ненависти. Обладая проницательным умом, он хорошо понимал тот прекрасный язык души, который красноречивее самых прекрасных слов на свете. Придворные, неотступно следившие за каждым жестом короля, поняли, что я небезразлична Его Величеству, и начали проявлять ко мне знаки внимания».

Вскоре король осмелился признаться Марии в своих чувствах. С той поры их повсюду видели вместе.

Чтобы понравиться девушке, которую он уже считал своей невестой, Людовик XIV, чье образование оставляло желать лучшего, засел за книги. Стесняясь своего невежества, он стал совершенствоваться в родном языке, изучил итальянский, увлекся древними авторами. Под влиянием этой образованной девушки, обладавшей, по словам мадам де Лафайет, «тонким и развитым умом» и знавшей наизусть множество стихов, он прочитал произведения Петрарки, Вергилия, Гомера, увлекся искусством и открыл для себя мир, о котором он и не слышал ранее от своих невежественных наставников.

Но Мария Манчини, расширив кругозор короля, который благодаря ее влиянию построит Версаль, возьмет под свое покровительство Мольера и окажет финансовую поддержку Расину, не желая этим ограничиваться, решила развить чувство собственного достоинства Людовика XIV. «Королю было уже двадцать лет, – писал Амеде Рене, – а он еще по-детски беспрекословно подчинялся матери и Мазарини. Трудно было обнаружить в нем черты повелителя: он со скукой присутствовал на королевском совете и при всяком удобном случае старался переложить на чужие плечи тяготы ведения государственных дел. Мария постаралась пробудить в нем чувство гордости, которое дремало до поры до времени в его душе. Она часто в разговорах с ним упоминала о славе, о счастье повелевать своими подданными. По расчету или по любви она хотела, чтобы ее избранник с достоинством носил свою корону»⁵³.

Вот почему можно смело утверждать, что именно любовь сотворила Короля-Солнце...

Глава 6

Мазарини использует принцессу Савойскую для заключения мира с Испанией

*Только зная, в чем состояли истинные интересы государства,
можно понять, почему так жестоко распорядились сердцем
принцессы...*

Френсис Томас

В течение нескольких месяцев Людовик XIV не расставался с Марией Манчини. Держась за руки, они прогуливались по аллеям парка Пале-Рояля, не обращая внимания на насмешливые улыбки придворных.

И его можно было понять: впервые в жизни он был влюблен. Вздрагивая при звуках скрипки, вздыхая в лунные ночи, он мечтал вкушать «наслаждение плоти» с этой волнующей воображение и становившейся с каждым днем все привлекательнее молодой итальянкой.

Но Мария сохраняла обет целомудрия. Кроме того, возможно, еще не совсем ясно сформировавшиеся в ее сознании честолюбивые мечты принуждали ее не уподобляться многочисленным и безымянным любовницам молодого монарха.

Однако нельзя сказать, что в обществе Людовика XIV девушка оставалась равнодушной. Позднее она призналась, что ощущала с волнением и беспокойством «странный и незнакомый доселе огонь, разгоравшийся в ее душе».

Несмотря на то что молодым людям постоянно приходилось сдерживать охватившую их страсть, они чувствовали себя вполне счастливыми до того дня, когда, по признанию племянницы Мазарини⁵⁴, «над их головами пронесся ураган, который на несколько дней нарушил радость их общения».

Как раз в это время при дворе пошли разговоры о предстоящей женитьбе короля на дочери мадам Руаяль принцессе Маргарите Савойской⁵⁵.

Это был ловкий политический шаг со стороны Мазарини, который хотел заставить Испанию подписать мирный договор и предложить руку инфанты Марии Терезии Людовику XIV. Короля Испании подтолкнули бы к этому слухи о предстоящей женитьбе короля Франции на принцессе Савойской, чему бы воспротивился всеми возможными ему средствами испанский двор. Естественно, никто, включая и молодого короля, не догадывался об истинных намерениях кардинала. Вполне понятно теперь, почему была так встревожена Мария Манчини.

Людовик XIV, напротив, спокойно воспринял разговоры о предстоящем брачном союзе и уговорил фаворитку сопровождать его в Лион, где он должен был встретиться с Маргаритой Савойской⁵⁶...

* * *

25 октября король и королева-мать выехали в сопровождении многочисленной свиты из Парижа. Королевский кортеж составляли более двадцати карет, не считая повозок, нагруженных гобеленами, кроватями, балдахинами, которые согласно обычаям того времени придворные брали с собой в путешествие. А вся кавалькада, представлявшая собой довольно живописное зрелище, с трудом продвигалась вперед под радостные приветствия крестьян,

таких же восторженных, как и их потомки, приветствующие ныне участников велогонки «Тур де Франс».

А так как погода была прекрасной, Людовик XIV оставил карету и пересел на лошадь. Мария Манчини последовала его примеру. И они провели часть пути за галантной беседой в стороне от любопытных ушей.

Жители Лиона встретили короля 28 ноября. А через несколько дней двор был оповещен о скором прибытии в город принцессы Савойской. Не теряя ни минуты, Людовик XIV, позабыв о Марии Манчини, с разгоревшимся от предвкушения предстоящей встречи взором, вскочил на коня и помчался навстречу Маргарите, горя от нетерпения поскорее увидеть ее.

Действительно, ранее была достигнута договоренность о том, что бракосочетание произойдет лишь в том случае, если королю понравится принцесса. Такая оговорка была предусмотрена кардиналом, не желавшим навязывать Людовику XIV в жены дурнушку, в том случае, если бы его план по оказанию политического давления на Испанию провалился.

Вот почему Анна Австрийская с нетерпением ожидала возвращения сына. По словам мадам де Монпансье⁵⁷, «весь его вид красноречиво говорил о том, что он рад и чрезвычайно удовлетворен состоявшейся встречей».

– Ну как? – спросила королева-мать.

– Она еще меньше ростом, чем жена маршала Виллеруа, – ответил Людовик XIV, – и необыкновенно хороша собой. У нее смуглая кожа, не портящая ее внешности, выразительные глаза и, главное, она как раз в моем вкусе.

К этому времени карета с принцессами из Савойи добралась до городских ворот, где их уже ожидали королева-мать и Людовик XIV, который встретил Маргариту с особой предупредительностью.

А вечером все отправились на ночлег по разные стороны от площади Белькур. Король, уже мечтавший о том, как разделит ложе грациозной принцессы, вдруг увидел приближавшуюся к нему Марию Манчини. При виде фаворитки радость его мгновенно померкла...

Бедняжке уже донесли о том, какое впечатление произвела Маргарита Савойская на Людовика XIV, и она предстала перед ним с залитым слезами лицом.

Король пристыженно опустил голову в ожидании бурной сцены. Увидев его смущение, Мария, перестав плакать, с жаром воскликнула:

– Не стыдно ли, что вам хотят навязать в же ны такую дурнушку?

Их затянувшаяся до поздней ночи беседа принесла свои плоды. На следующий день Людовик XIV при встрече с Маргаритой был настолько же холоден, насколько был горяч накануне.

Мать принцессы Савойской была изумлена произошедшей с королем переменой.

А вечером на приеме у королевы-матери король повел себя с удивительной бестактностью. За весь вечер он ни разу даже не взглянул на Маргариту, любезничая с Марией в дальнем уголке гостиной.

Принцессы Савойские сделали из этого определенный вывод. И их беспокойство не оказалось напрасным. В самом деле, разработанный кардиналом план удался. На следующий день в Лион прибыли послы от короля Испании с предложением руки инфанты.

Мать принцессы Савойской, узнав о предложении испанского двора, отправилась к Мазарини и потребовала объяснений.

– Я сожалею, – ответил первый министр, – но долг государя состоит в том, чтобы обеспечить Франции мир и положить конец войне, которая длится вот уже целых десять лет. А единственным средством достижения этой цели является брак с Марией Терезией Испанской.

После таких слов мать принцессы Савойской побледнела и едва не лишилась чувств. С трудом она прошептала:

– Могу ли я, по крайней мере, надеяться, что король вспомнит о моей дочери, если не женится на инфанте?

Ей не смогли отказать, дав письменные гарантии.

Подписанный королем документ в тот же вечер был вручен принцессе Савойской вместе с парой бриллиантовых сережек в оправе из черной эмали, несколькими украшениями, духами и веерами. Через день вконец расстроенные принцессы вернулись в Савойю, не подозревая даже о том, что их приглашали лишь для того, чтобы ускорить подписание мира с Испанией...

* * *

Когда в начале 1659 года двор вернулся в Париж, все возрастающее влияние Марии на короля начало серьезно беспокоить королеву-мать и Мазарини, который поручил мадам де Венель следить за влюбленными и не допускать, чтобы они оставались наедине друг с другом, особенно если в помещении, где они находились, стояла кровать.

Добросовестная женщина ревностно принялась за выполнение возложенных на нее обязанностей. Услышав однажды показавшийся ей подозрительным шум, она вошла в комнату Марии, которая спала, приоткрыв рот, и принялась ощупывать ее постель, нечаянно проведя рукой по лицу девушки.

Разбуженная Мария поняла, что в комнату пробралась шпионка ее дяди, и изо всех сил укусила ее за палец. От боли и неожиданности мадам де Венель закричала так громко, что подняла на ноги весь этаж, а уже на следующий день весь двор потешался над доверенным лицом кардинала. Она и без этого злоключения была всеобщим посмешищем, так как часто, желая от нее избавиться, король, отпуская по отношению к ней довольно грубые шутки, достойные простого школяра.

«Однажды, – писал один из авторов мемуаров, – Его Величество угощал придворных дам вареньем в банках, завязанных разноцветными ленточками. Получив свое лакомство, мадам де Венель открыла банку. Но каков же был ее ужас, когда она увидела выскочивших из банки мышей, которых она боялась больше всего на свете. Мадам де Венель уже выбежала было из комнаты, но, вспомнив об обещании, данном ею королеве-матери, никогда не терять из виду Марию Манчини, вернулась обратно. А тем временем король, который уже уселся на диване рядом с мадемуазель Манчини, радуясь удавшейся шутке, был немало удивлен, когда увидел снова в комнате мадам де Венель.

– Вы так быстро пришли в себя, мадам? – спросил он.

– Нет, сир, – ответила она, – я смогу успокоиться лишь в том случае, если буду находиться рядом с сыном Марса»⁵⁸.

Через месяц в Париж прибыл посол короля Испании Пимантель для подготовки мирного договора, основным условием которого была женитьба Людовика XIV на инфанте. Бедняжка Мария, которая от горя едва не заболела, делала все, чтобы сорвать переговоры. Каждый день несколько часов подряд, попеременно переходя то на надменный, то на ласковый тон, она говорила с королем, пытаясь убедить его в бессмысленности брака по расчету.

– Вы не будете счастливы, – говорила она. Король прекрасно понимал правоту ее слов, но боялся настроить против себя посла Испании и расстроить политические планы Мазарини.

Вскоре стало известно, что двор вот-вот должен переехать в Байон, который находился рядом с Сен-Жан-де-Лей, где планировалось провести переговоры о мире с Испанией. Мария в отчаянии бросилась к королю и упала перед ним на колени.

– Если на самом деле вы меня любите, отмените эту поездку.

И, обливаясь слезами, прошептала:

– Я вас люблю! Я вас так люблю... Взволнованный до глубины души король признался:

– Я тоже вас люблю.

– В таком случае не покидайте меня никогда, – сказала Мария.

Бледный от волнения, Людовик XIV заключил девушку в объятия и прижал к своему сердцу.

– Я вам это обещаю.

И направился к Мазарини, заявив без обиняков, что хочет жениться на его племяннице.

– Я не вижу лучшего способа отблагодарить вас за долгую и верную службу⁵⁹.

Мазарини от изумления не мог выговорить ни слова. На какое-то мгновение он чуть было не поддался соблазну стать, благодаря этой женитьбе, дядей королевы Франции. Забыв о долге и политических целях династического брака с испанской инфантой, он направился к королеве и полусхотливо-полусерьезно рассказал о предложении ее сына.

Анне Австрийской понадобилось немного времени, чтобы вернуть кардинала на грешную землю.

– Я не думаю, господин кардинал, – сухо произнесла она, – что король способен пойти на такую глупость. Но даже если эта мысль и пришла бы ему в голову, я хочу вас предупредить, что вся Франция ополчится против вас и против него, если эта свадьба состоится. А я лично с моим вторым сыном возглавлю недовольных⁶⁰.

Мазарини вышел от королевы с низко опущенной головой. А королева, вызвав к себе Людовика XIV, стала упрекать его за необдуманные слова. В ответ король вспыхнул, заявив, что никогда не откажется от своей любви, и попросил передать испанской инфанте, чтобы она поискала себе другого мужа...

После этих слов отставка Марии Манчини была предreshена.

* * *

На следующий день мрачный Мазарини, стараясь не глядеть в глаза племяннице, объявил, чтобы она собирала чемоданы.

– Ваше присутствие здесь приводит к нежелательным последствиям, и вы должны вместе с сестрами выехать в порт Бруаж, что находится рядом с Ла-Рошеллем. И вам следует самой сообщить королю о вашем отъезде.

Мария бросилась к Людовику XIV, который еще не выходил из своих покоев, и, рыдая, поведала ему, что отныне она должна жить в Вандее.

– Никто не сможет разлучить нас! – в гневе воскликнул он.

Охранники, которые находились за дверью и подслушивали разговор государя, в страхе попятились назад, испугавшись крика Людовика XIV.

А когда они вновь припали к замочной скважине, то смогли насладиться приятным зрелищем находившихся в объятиях друг друга государя и Марии.

И на этот раз племянница Мазарини нашла в себе силы отказать королю, несмотря на всю силу своей любви. Расстроенный до глубины души король, находясь во власти любовного желания, от которого у него темнело в глазах и мешались мысли в голове, помчался к Анне Австрийской и, бросившись на колени, стал умолять разрешить ему жениться на Марии.

Образ этой прекрасной девушки, к которой он испытывал столь непреодолимое влечение, преследовал его так сильно, что он заплакал и, находясь почти что в бреду, обнял колени своей матери и назвал кардинала «папой...»⁶¹.

– Я не могу жить без нее, – воскликнул он. – Я обещал на ней жениться, и я сдержу свое слово. Прервите переговоры с Испанией. Моей женой будет Мария!..

Мазарини посчитал своевременным прервать эту волнующую сцену, твердо заявив, «что, будучи избранным покойным королем и затем королевой-матерью в качестве советника Людовика XIV, до сих пор бесприкословно выполнявший волю государей, он не может злоупотребить услышанным признанием короля, которое тот дал в минуту слабости, и позволить подорвать его авторитет, которым он пользуется в стране, поступком, противоречащим государственным интересам. И будучи ответственным за судьбу своей племянницы, он скорее ее прикончит, чем допустит такое великое предательство»⁶².

Последние слова были уже излишни.

Сразу придя в себя, Людовик XIV, не говоря ни слова, вышел из комнаты и поднялся к Марии, которая ждала его возвращения с большим нетерпением. Надеясь в глубине души отмены решения об ее отъезде в Бруаж, она безутешно расплакалась, когда услышала ответ своего дяди.

– Вы меня любите, – сказала она, – вы ко роль, однако я должна уехать!

В сильном волнении Людовик XIV поклялся, что только она поднимется на французский трон. И молодые люди, горько плача, расстались.

* * *

Несколько дней спустя, 22 июня 1659 года, Мария в сопровождении мадам де Венель и своих сестер, Гортензии и Марии-Анны, поднялась в карету, чтобы отправиться на побережье Атлантики. Король не мог оторваться от окна. Даже не пытаясь скрыть свою печаль, он горько плакал.

Вся в слезах, Мария на прощание поцеловала ему руку. Наконец был дан сигнал к отправлению. И тут все услышали слова девушки, которая, обратившись к своим сестрам, сказала с горечью:

– Меня бросили!

Долго король вглядывался вдаль, пытаясь разглядеть повозку, увозившую его большую и, возможно, единственную любовь. И только тогда, когда дорога опустела, он, с покрасневшими и распухшими от слез глазами, поднялся в свою карету и, как свидетельствует мадам де Моттевилль, «направился в Шантийи, где провел несколько дней, восстанавливая свое душевное равновесие...»

Естественно, молодые люди почти ежедневно обменивались письмами, о чем мадам де Венель сразу же предупредила кардинала, который, находясь в то время в Сен-Жан-де-Люзе, вел переговоры о мире. Встревоженный Мазарини написал королеве:

«Мне не хватает слов, чтобы выразить мое недовольство беспечностью Доверенного лица⁶³, который, вместо того чтобы принимать лекарства от пагубной страсти, делает все, чтобы она разгоралась с новой силой».

А так как его любовный роман с Анной Австрийской еще продолжался, он закончил письмо выражением благодарности королеве *«за все ласковые слова, которые Вы благоволили мне сказать. На свете нет ничего, что смогло бы вытравить из моего сердца чувства, которые я испытываю к + ⁶⁴. Лишь ангелы на небесах могут надеяться на подобное отношение...»*

Тем временем переписка между Бруажем и Лувром не только не прекратилась, а, наоборот, стала интенсивнее, что вынудило Мазарини написать королю:

«В письмах, которые я получаю из Парижа, Фландрии и других мест, говорится о том, что Вас невозможно узнать после моего отъезда и что виной тому являюсь не я, а кто-то приходящийся мне родственником. Говорится также, что Вы взяли на себя определенные обязательства, мешающие принести мир христианству, и не хотите, женившись, сделать Ваших подданных и всю нашу страну счастливыми. И если Вы поступите вопреки здравому смыслу, то женщина, которую Вы возьмете в жены, будет очень несчастной совершенно не по своей вине. Сообщают также, что Вы, закрывшись один, пишете целыми днями письма той особе, которую любите, и что Вы теперь тратите на нее гораздо больше времени, чем тогда, когда она еще находилась при дворе.

Я, впрочем, признаю, что был слишком снисходителен к Вам, когда Вы попросили меня передавать некоему лицу от Вас приветы и получать от него известия, что привело в итоге к ежедневному обмену длинными посланиями. И если в переписке бывали перерывы, вызванные нехваткой курьеров, то при первой же возможности отправлялось так много писем, что случались дни, когда курьеры не могли взять с собой всю корреспонденцию. Все это, скорее всего, может привести к скандалу, который подорвет не только мою репутацию, но и репутацию того лица, с кем Вы обмениваетесь письмами».

И наконец, Мазарини коснулся вопроса, который больше всего тревожил его во время переговоров с испанской делегацией.

«И это еще не все. Есть вещи и похуже. После того как я решил по-доброму предупредить то лицо, которому Вы шлете столь длинные послания, и дать в ее же интересах несколько дельных советов, я получил от нее ответ, из которого следует, что Вы намерены выполнить свое опрометчивое обещание, что в силу известных причин, по единодушному мнению всех Ваших подданных, совершенно невозможно».

Действительно, Людовик XIV обещал своей «королеве» (так он называл Марию) корону Франции.

* * *

Чувствуя, что чары Марии Манчини представляют собой угрозу делу всей его жизни, Мазарини в течение нескольких недель осаждал короля письмами, с помощью которых он надеялся наставить его на путь истинный. Потеряв однажды терпение, кардинал пригрозил отставкой и отъездом из Франции в Италию, если Людовик XIV не согласится жениться на инфанте. Но государь питал к молоденькой итальянке такую сокрушительную страсть, что, казалось, ничто в мире не могло образумить его.

Естественно, задача Мазарини на переговорах была осложнена еще и тем, что члены испанской делегации были в курсе намерений французского короля и постоянно задавали кардиналу вопрос о том, не являются ли переговоры о мире лишь фарсом.

Но Мазарини, с присущим ему талантом и умением, продолжал идти к поставленной цели. И когда он официально от имени Людовика XIV делал предложение Марии Терезии, то пригласил весь двор в Сен-Жан-де-Люэ.

Опасаясь вызвать недовольство Мазарини, король согласился встретиться с испанцами, решив поступить с инфантой так же, как в свое время с Маргаритой Савойской. Кроме того, поездка представляла ему возможность, сделав крюк, заехать в Вандею и увидеться с Марией.

Их встреча в Сен-Жан-д'Анжели была столь радостной, что растрогала всех сопровождавших короля придворных. А сам Людовик XIV, во власти страстного желания, пообещал в который уже раз своей возлюбленной прервать переговоры о мире и взять ее в жены.

На следующий день он с легким сердцем продолжил поездку, не подозревая о том, что очень скоро на его долю выпадут большие переживания, когда Мария решит доказать всему миру силу своей любви.

Узнав о переговорах с Испанией, избранница Людовика XIV, которая неплохо разбиралась не только в музыке и литературе, но и в политике, поняла, что страсть короля к ней может оказаться губительной для всего королевства. И 3 сентября написала Мазарини письмо, в котором сообщила о решении отказаться от намерения связать свою судьбу с королем.

Новость эта сразила Людовика XIV наповал. В отчаянии он отправил Марии множество писем, но ответа так и не получил. Тогда он решил послать ей свою любимую собачку. Но девушка, получив доставивший ей большое удовольствие живой подарок, и на этот раз нашла в себе силы воздержаться от ответа и не поблагодарить своего возлюбленного.

Именно тогда Людовик XIV подписал мирный договор и согласился жениться на инфанте. В тот знаменательный день зазвонили все колокола королевства. А в это время Мария горько плакала в Бруаже. «Я не могла себя заставить не думать о том, – писала она в своих «Воспоминаниях», – что за этот мир, которому так радовались в королевстве, я заплатила слишком дорогую цену. И никто даже и не предполагал, что, если бы не жертва, которую я принесла, король никогда не дал бы согласия на эту свадьбу...»

* * *

Самопожертвование Марии Манчини позволило Мазарини успешно завершить дело, начатое еще Ришелье. Испанский дом Габсбургов потерпел поражение, в результате которого Франция получила Руссильон, Сердан, Артуа и расширила свои владения во Фландрии и Люксембурге.

Благодаря этой чистой и бескорыстной любви возлюбленной короля, Франция превратилась в могущественное государство.

Когда 7 ноября 1659 года подписывался договор о мире, над Пиренеями бушевала снежная пурга. Поэтому, когда речь зашла о дате предстоящей свадьбы, Мазарини заявил, что считает слишком опасным для короля Испании путешествие по горным дорогам до наступления тепла. Поэтому ни у кого не вызвало возражений предложение отложить свадьбу до весны.

А пока следовало всеми возможными средствами отвлечь короля от мыслей о Марии. Для этого Мазарини не мудрствуя лукаво поручил вышедшей замуж за графа Суассона Олимпии Манчини вновь завоевать сердце Людовика XIV.

Красавица смело взялась за дело, и не прошло и нескольких дней, как на широкой королевской постели молодой государь нарушил наконец взятый из-за любви к Марии обет целомудрия, который стал причиной мучивших его с недавних пор головкружений...

Олимпия была страстной и очень расчетливой женщиной, сумевшей привязать к себе короля «теми узами, в которых физическая любовь преобладала над духовным началом», писал один из авторов мемуаров о тех днях. А Людовику XIV так пришлось по вкусу проводить свободное время в постели с племянницей кардинала, что он уже почти забыл маленькую итальянку, продолжавшую страдать и плакать о нем в Бруаже.

Именно тогда, чтобы бежать подальше от суровой зимы, король и решил посетить первый раз в жизни Лангедок и Прованс. Вполне понятно, что за ним последовала и Олимпия. Никто при дворе особенно не удивился тому, что за шесть месяцев до свадьбы у короля

появилась любовница. Разделявшая опасения кардинала, Анна Австрийская публично, и совсем не к месту, высказала удовлетворение поведением сына. Один из ее приближенных, полицейский Барде, писал: «Королева была на седьмом небе от радости из-за отношений, сложившихся у короля с мадам де Суассон». И с лукавством добавил: «Я думаю, что она будет радоваться гораздо больше, если эта новость достигнет Бруаже, что, несомненно, произойдет в самом ближайшем будущем»⁶⁵.

Барде не ошибся. Анна Австрийская, которая не могла забыть о пережитых по вине Марии волнениях, проявила редкое бессердечие, заставив Олимпию написать письмо своей сестре и признаться во всем. Бедняжка Мария, которая так тяжело переживала свою жертву, пожаловалась дяде:

«Несмотря на отосланное два дня назад письмо, я еще раз возьму на себя смелость, Ваше Преосвященство, отнять у Вас немного времени, чтобы поделиться с Вами моей бедой и просить Вашего совета. Графиня де Суассон сообщила мне в письме, что король оказал ей честь и говорит с ней так же, как раньше со мной... Я Вас смиренно прошу сделать для меня следующее: во-первых, уберечь в дальнейшем от насмешек и, во-вторых, выдать меня как можно быстрее замуж, чтобы положить конец моим мучениям.

Не думаю, что графиня догадалась о моем истинном отношении к ней после всего случившегося. Напротив, я написала ей очень любезное письмо, желая показать всем, что вполне владею собой. И только Вам я могу открыть душу и просить у Вас защиты. Я Вас уверяю, что в мире больше нет никого, кто бы больше, чем я, полагался на Вас.

Мария».

Это письмо и взволновало, и одновременно обеспокоило Мазарини. У него возникли опасения, что Людовик XIV, узнав о кознях, чинимых королевой против Марии, расстроит свадьбу с испанской инфантой. И чтобы избежать новых жалоб, он принял простое решение – запретил Олимпии писать письма своей сестре. А некоторое время спустя кардинал сообщил Марии о ее предстоящем бракосочетании с коннстеблем Колонна, вице-королем Арагоны, одним из самых влиятельных сеньоров Италии и Испании, который был не только молод, статен и красив, но и владел двумя прекрасными дворцами в Риме.

Таким образом, Людовик XIV мог беспрепятственно продолжать свое путешествие по южным провинциям.

* * *

Когда наступила весна и пригрело солнце, королевский кортеж направился к Пиренеям. 25 апреля король сделал небольшую остановку в Оше и, высвободившись на время из объятий Олимпии, написал коротенькое вежливое письмо своей невесте:

«Мадам!

С большой радостью я воспользовался предоставившейся возможностью написать Вашему Величеству письмо, в котором хочу заверить Вас в моих самых нежных чувствах к Вам. Я бесконечно завидую дворянину⁶⁶, которому выпала честь увидеть Вас раньше, чем я. И хотя по моему поручению он должен поведать Вашему Величеству, насколько я был бы счастлив, если бы лично смог рассказать Вам, какие чувства переполняют мое сердце, я сильно сомневаюсь в том, что он сможет выполнить мое поручение так, как я этого хочу. И, наконец, мне не хватает слов, чтобы выразить мое нетерпение как можно скорее увидеть Вас. И если бы я не испытывал облегчения при мысли о том, что наша встреча уже

*близка, мое нетерпение так велико, что ничто бы не смогло удержать меня от немедленной поездки. И последнее, я хочу Вам сообщить, что мне доставляют самое большое удовольствие разговоры о достоинствах Вашего Величества, о которых рассказывают все, кто хоть раз видел Вас. Всецело преданный Вам*⁶⁷

Людовик».

Письмо доставило большое удовлетворение Марии Терезии, которая, конечно, не могла даже подумать, что Людовик XIV ожидал встречи с ней, находясь в постели с графиней де Суассон.

А 3 июня в Сан-Себастьяне состоялось бракосочетание Людовика XIV и инфанты по доверенности, по которой де Лессен представлял французского короля. Эта церемония, являвшаяся лишь видимостью свадьбы, окончилась легким и невинным прикосновением епископа Пампелуна.

На следующий день Анна Австрийская встретила на острове Фезан, расположенном на реке Бидассоа, со своим братом королем Испании, которого не видела уже сорок пять лет. Всплакнув при виде друг друга, они уселись во дворце «приблизительно на линии, разделявшей два королевства»⁶⁸, и долго вспоминали былое. А немного погодя король представил Марию Терезию ее тетке, которая горячо расцеловала свою невестку. Но когда инфанта уже собралась сесть за стол, неожиданно возник вопрос, на чьей территории она должна находиться: на испанской или французской? После долгих препирательств принесли одну испанскую и две французские подушки, которые были положены на территории Испании. И только тогда молодая королева смогла усестись «в соответствии со своим двойственным положением».

* * *

Следуя обычаю, по которому молодожены не должны говорить друг с другом, Людовик XIV не был приглашен. Горя желанием увидеть свою жену, он бродил вокруг места, где состоялась встреча. Первым его увидел Мазарини:

– Какой-то незнакомец просит открыть ему дверь.

Анна и Филипп IV обменялись взглядами.

– Пусть войдет, – сказали они.

Стражники открыли двери, и на пороге появился король. А так как он пришел инкогнито, то Филипп IV сделал вид, что принял французского короля за простого дворянина, подмигнув при этом побледневшей при виде Людовика XIV Марии Терезии.

Пока молодые молча разглядывали друг друга, король Испании прошептал своей сестре:

– А у меня красивый зять!

Услышав его слова, Анна Австрийская спросила инфанту, нравится ли ей вошедший незнакомец.

– Еще не пришло время отвечать на этот вопрос, – возразил Филипп IV.

– Но когда же она сможет?

– Когда пройдет через эту дверь.

– А что вы думаете, Ваше Величество, об этой двери? – спросил, улыбаясь, герцог Орлеанский.

Мария Терезия зарделась, как пион.

– Мне она кажется довольно красивой и на дежной, – прошептала она⁶⁹.

Между тем молодой король, довольный женитьбой на очаровательной блондинке с голубыми глазами, отправился обратно в Сен-Жан-де-Люз, где его с нетерпением ожидала Олимпия...

9 июня двадцатидвухлетние супруги были благословлены епископом Байонна во время пышной церемонии, которая по своей роскоши уже предвещала версальские праздники.

Празднества продолжались до самого вечера.

Присутствовавшая среди гостей мадам де Моттевиль, не опуская пикантных подробностей, рассказала в своих воспоминаниях о подготовке молодых супругов к первой брачной ночи: «Их Величества и Монсиньор⁷⁰ поужинали как обычно в присутствии придворных. А затем король изъявил желание отдохнуть. Молодая королева со слезами на глазах прошептала Анне Австрийской:

– *Es muy temprano!* (Еще слишком рано.) Это была единственная печальная нотка в ее голосе с момента приезда во Францию, вызванная ее природной скромностью. Но так как ей сказали, что король уже разделся, она вошла в свою комнату и, усевшись на краешек кровати, начала тут же снимать с себя одежду, даже не подойдя к туалетному столику. А когда ей сообщили, что король уже ожидает ее, она заторопилась:

– *Presto! Presto! Quel rey m’espera!* (Быстро, быстро, король меня ждет.)

Такая удивительная покорность объясняется, скорее всего, ее желанием побыстрее остаться с королем наедине, поскольку уже через минуту молодые супруги легли в постель с благословения королевы, теперь их общей матери».

Их первая ночь наверняка прошла очень бурно и доставила много приятных минут слугам, камеристкам, фрейлинам, по обычаю внимательно прислушивавшимся к тому, что происходило в королевских покоях, ни на секунду не отходя от дверей спальни молодых.

Шесть дней спустя двор отправился в Париж. Когда кортеж приблизился к Сен-Жан-д’Анжели, король, неожиданно заявив, что ему надо выполнить одно поручение, вскочил на лошадь и поскакал в Бруаж, где до своего недавнего отъезда в Париж жила Мария Манчини. Не проронив ни слова, он зашел в комнату той, которую все еще любил, провел рукой по стульям, наклонился к букету высохших цветов, с волнением посмотрел на ее постель, «с трудом сдержав слезы». После чего он так же молча вернулся к своей жене.

И только в Фонтенбло он вновь увидел Марию. После официального представления Марии Терезии дрожащая от волнения девушка сделала реверанс королеве и наконец решилась поднять глаза на короля. Но, встретив ледяной взгляд человека, которого так любила, чуть было не упала в обморок.

Она не могла знать, что только так король смог скрыть охватившее его смятение.

Глава 7

Как по политическим мотивам Мазарини превратил старшего брата короля в женоподобное существо

Мужчину легко превратить в женщину, если за это взяться с раннего возраста.

Народная мудрость

26 августа 1660 года Мария Терезия торжественно въехала в столицу при огромном стечении прибывших из всех уголков королевства простых французов (по некоторым данным, до миллиона человек). Организованные по этому поводу празднества превзошли по своему великолепию все, что происходило до сих пор в Париже. А на следующий день Марии Терезии предстояло отправиться вместе с королем в Сен-Антуанское предместье, где на троне, установленном на покрытом коврами помосте, она должна была принимать поздравления своих подданных⁷¹.

Во второй половине дня в сопровождении эскорта, состоявшего из нескольких тысяч пажей, мушкетеров, швейцарских гвардейцев, солдат, трубачей, она направилась из Венсенского дворца в Сен-Антуанское предместье, где ее сошедший, казалось, со страниц сказки экипаж вызвал бурю восторга у зевак. «Блестевшая под лучами солнца карета, – по словам одного из встречавших, – была хорошо видна издалека. Для изготовления этого передвижного трона использовалось не простое железо: колеса и ходовая часть были покрыты золотыми и серебряными пластинами, а сама карета снаружи и внутри была украшена вышивкой золотом по серебру. Поддерживаемый двумя стойками балдахин с тисненым узором украшали гирлянды из цветов. А экипаж был запряжен шестеркой датских лошадей жемчужно-серого цвета, сбруя которых вполне соответствовала великолепию самой кареты».

Впереди экипажа гарцевал король на прекрасном испанском скакуне.

Позади государей следовали принцы, герцоги, маршалы и более двухсот дворян. «И всех их горячо приветствовала гудящая, как рой пчел, толпа».

Вскоре кортеж приблизился ко дворцу Бове. Король поднял голову и поздоровался с высунувшимися из окон женщинами. На втором этаже находились Анна Австрийская, королева Англии, принцесса Палантинская и кривая на один глаз женщина, с улыбкой смотревшая на короля. Над ними, в проеме окна, стояла девушка и с безутешным видом наблюдала за праздником. И наконец, из окна последнего этажа за Людовиком XIV неотрывно следила молодая особа, которая, хотя и не была придворной дамой, пользовалась за свой ум и красоту большим уважением среди приближенных короля. Уже на следующий день в письме к одной из своих подруг она поделилась своими впечатлениями как женщина, которая видит немного дальше того, что происходит в непосредственной близости от нее, о том, что «королева должно быть заснула вчера вечером, довольная выбранным ею супругом⁷²».

Окривевшей на один глаз женщиной была мадам де Бове; девушкой, стоявшей на третьем этаже, – Мария Манчини; а молодой особой, поделившейся своими мыслями в письме, – мадам Скаррон, будущая мадам де Ментенон.

Вот так по иронии судьбы в первый же день своего пребывания в Париже Мария Терезия могла видеть собранных вместе первую любовницу короля, его первую любовь и последнюю любовь.

* * *

Мазарини не довелось принять участия в этом грандиозном празднике. Прикованный к креслу приступом подагры, он довольствовался ролью простого зрителя.

Действительно, к пятидесяти восьми годам здоровье его было подорвано выпавшими на его долю приключениями, трудами, заботами, интригами. Теперь он все чаще и чаще оставался в одиночестве в библиотеке посреди роскошного собрания редких книг, картин великих мастеров, скульптур, изумительных ковров, которые он с любовью собирал на протяжении всей своей жизни. Произведения искусства стали его единственной страстью, и, когда у него уже не хватало сил подняться по лестнице, ведущей с первого этажа на второй, где находилась библиотека, он изобрел сиденье, приводимое в движение противовесом и веревками, которое по праву можно считать предшественником современного лифта.

Глядя на чудесные произведения искусства, кардинал постоянно мучился одной и той же мыслью: как сохранить все это богатство от воров. Следует признать, что он беспокоился не напрасно. Как рассказывают его современники, при посещении кардиналом Барберини и его свитой мастерской художника Дюмустье неожиданно исчезла ценная книга в роскошном переплете. Разгневанный художник был вынужден обыскать всех священнослужителей и обнаружил пропажу под сутаной монсиньора Панфилю⁷³.

Хорошо зная нравы своего времени, Мазарини редко принимал посетителей и не любил далеко удаляться от своего дворца. Но когда в начале 1661 года он почувствовал себя совсем плохо, его перевезли 7 февраля из Парижа в Венсенский дворец. А на следующий день туда же перебралась Анна Австрийская, которая не отходила от постели больного и ухаживала за ним, как добрая супруга, делая ему компрессы, ставя примочки...

Мазарини, уже не испытывая к королеве былых нежных чувств, вел себя словно брюзгливый супруг. «Кардинал обращался с ней, – по словам Монглат, – как с горничной и, когда ему сообщали о том, что она собирается подняться в его покои, он, насупя брови, говорил своему камердинеру:

– Ах! Эта женщина настолько надоела мне, что скоро загонит меня в гроб. Оставит ли она когда-нибудь меня в покое?»⁷⁴

Но по-прежнему любившая его Анна Австрийская, казалось, не замечала его плохого настроения и продолжала досаждать кардиналу своими навязчивыми заботами. А он, не стеснясь посторонних, все также грубо обращался с ней.

«Однажды, – пишет в своих “Мемуарах” Бриен, – когда я находился в его комнате, вошла королева-мать и спросила у лежащего в постели кардинала, как он себя чувствует.

– Очень плохо! – ответил он.

И, откинув одеяло, показал удивленной королеве свои обнаженные ноги и произнес:

– Мадам, вы видите ноги, которые потеряли покой, обеспечив его Европе.

В самом деле, ноги его были очень худыми, синюшными и покрытыми к тому же белыми и лиловыми пятнами. Добрая королева не смогла сдержать слез, увидев, в каком состоянии находится кардинал, похожий скорее на вставшего из могилы Лазаря»⁷⁵.

Несмотря на все свои недуги, Мазарини старательно подготавливал свадьбу Марии и коннетабля Колонна. Казавшаяся теперь безучастной ко всему девушка больше не противилась его намерениям. И 25 февраля был подписан брачный союз.

А десять дней спустя кардинал скончался.

Присутствовавшая при кончине кардинала Анна Австрийская едва не лишилась чувств, в то время как находившиеся в соседней комнате Мария, Гортензия почти в один голос воскликнули:

– Слава Богу! Наконец-то он подох!

Это лишний раз доказывает, что молодежь не умеет кривить душой.

* * *

Через несколько дней после смерти Мазарини, а именно 31 марта 1661 года, состоялось бракосочетание двух важных персон: старшего брата короля⁷⁶ и Генриетты Английской, на котором из-за траура Анны Австрийской присутствовали лишь самые близкие родственники и друзья.

А в часовне Пале-Рояля, пока епископ Валенса совершал обряд бракосочетания, друзья вновь испеченного супруга перешептывались друг с другом:

– Лишь бы он не испугался, когда она разденется, ведь он никогда ранее не видел женского тела...

Действительно, несчастной Генриетте Английской не повезло с замужеством: Монсеньор страдал итальянским пороком!

Но если и был у него этот недостаток, то гормоны здесь были ни при чем. Просто кардинал считал, что брат короля представляет реальную опасность для короны. Он не забывал о Гастоне Орлеанском и не хотел, чтобы Людовик XIV пережил те же неприятности, что и его отец Людовик XIII. По приказу Мазарини было сделано все, чтобы заглушить признаки мужественности у молодого принца. Его с детства одевали в женское платье, прививали любовь к духам, бантам, мушкам и серьгам. Для игр ему выбрали мальчика со всеми характерными признаками несостоявшейся девочки, который впоследствии станет знаменитым аббатом Шуази. «Меня одевали девочкой каждый раз, когда маленький Монсеньор приходил для игр в мою комнату, – вспоминал этот сомнительный персонаж, у которого позднее появились и любовники и любовницы. – И так происходило два или три раза в неделю. Мне прокололи уши, я носил кольца, украшал лицо мушками. А Монсеньор, которому очень нравились мои переодевания, проявлял ко мне самое дружеское расположение. Как только он появлялся в сопровождении племянниц кардинала и фрейлин королевы, его сразу же начинали наряжать и причесывать. Причем следует отметить, что для формирования осиной талии его приучили с детства носить украшенный вышивкой корсет. С него снимали камзол и примеряли женские платья и юбки. Все это делалось, как говорили при дворе, по приказу кардинала, чтобы сделать его женоподобным»⁷⁷.

Усилия кардинала увенчались полным успехом. Людовик XIV мог спать спокойно: став благодаря Мазарини принцем извращенцев, Монсеньор был далек от политики!..

* * *

И вот такая напояженная, надушенная и похожая на девицу особа, которая носила длинные серьги и «была похожа на женщину, по словам аббата Коснака, не только благодаря одежде», женилась на самой красивой принцессе Европы. Действительно, Генриетта Английская была грациозной, стройной и элегантной девушкой, один лишь взгляд которой

мог смутить самого целомудренного мужчину. Об этом можно судить по описанию ее внешности, сделанному епископом Валенсийским, который из-за ее чар лишился навсегда покоя:

«Никогда еще во Франции не было более прелестной принцессы, чем вышедшая замуж за Монсиньора Генриетта Английская: в ее черных живых глазах светился столь манящий огонек, что не было ни одного мужчины, кто бы мог долго выдерживать ее взгляд, не испытывая при этом сильного волнения. Казалось, что в ее взоре отражалось желание собеседника. Ни одна из принцесс не была столь обаятельной и доброжелательной, что делало ее особенно привлекательной в глазах окружающих. Ею увлекались, ее любили. Про нее можно было сказать, что она сражала мужчин наповал...»⁷⁸.

Несомненно, она сразила и достойнейшего священнослужителя...

Однако на долю этой милой женщины выпало множество испытаний.

Генриетту в двухлетнем возрасте привезла во Францию в 1646 году ее мать Генриетта Бурбонская, жена Карла I Английского и дочь Генриха IV, вынужденная бежать из Англии после революции, которую возглавил Кромвель. На протяжении восьми лет французский двор, который в то время был всецело занят борьбой с Фрондой, не мог оказать изгнанникам действенной помощи. Зимой в их квартире было так холодно, что Генриетта все дни напролет оставалась в постели, а вся ее пища состояла из нескольких сваренных в воде овощей. Чтобы как-то прожить, английская королева продавала свои платья, драгоценности, мебель, и в конце концов все ее имущество, по свидетельству мадам де Моттевиль, состояло «из одной маленькой чашки, чтобы иметь возможность утолить жажду».

Ко всем выпавшим на долю девочки лишениям добавились заботы совсем иного толка: когда казнили отца Генриетты, отрубив ему голову, у ее матери появился любовник, с которым она и прибыла во Францию. Это был лорд Жермин, ограниченный, жадный и грубый человек, отличавшийся внезапными вспышками гнева. Однажды он закатил две увесистые оплеухи королеве Англии, а та, будучи достойной дочерью своего отца Генриха IV, не осталась в долгу и больно ударила его по ноге, и на глазах испуганной девочки началась потасовка между любовниками...

В 1654 году дела во Франции заметно пошли на лад, что позволило Мазарини возобновить выплату пособий изгнанникам, обосновавшимся в старинном загородном доме маршала Бассомпьера на вершине холма Шайо. Будучи очень набожной, королева Английская превратила это жилище, стены которого в прошлом повидали немало фривольных сцен, в монастырь Св. Марии де Шайо⁷⁹. Подыскивая настоятельницу, которой, по ее мнению, могла быть только знакомая ей женщина, она остановила свой выбор на матери Анжелике, носившей до посвящения в монахини имя Луизы де Лафайет и бывшей в прошлом фавориткой Людовика XIII. Таким образом, долгими осенними вечерами женщины могли предаваться воспоминаниям о дорогом их сердцу человеке...

Время от времени в монастырь наведывалась невестка настоятельницы мадам де Лафайет, элегантная, умная и образованная женщина, и много часов проводила среди монахинь. Она еще не написала «Принцессу Клевскую» и даже, вероятно, и не подозревала о том, что у нее созреет замысел книги о полной приключений жизни маленькой Генриетты, игравшей в свое время с ней в куклы...

Наконец, 29 мая 1658 года пришло известие о смерти Кромвеля. На престол взошел брат Генриетты Карл II⁸⁰. Королева Генриетта-Мария отправилась со своей шестнадцатилетней дочерью в Лондон, где сразу же окунулась в светскую жизнь, начала давать роскошные балы, на которых знатные дамы и господа словно соревновались друг с другом в распушенности. Как раз на одном из таких праздников в Генриетту безумно влюбился юный герцог Бекингем, который следовал за ней повсюду, где бы она ни появлялась. Забыв о приличиях,

он готов был пойти на самые экстравагантные поступки, лишь бы доказать свою любовь, которая, по свидетельствам современников, «ни для кого не оставалась секретом».

Когда она вернулась во Францию, он помчался за ней в Париж, следуя примеру своего отца, который сорок лет назад совершил массу безрассудных поступков лишь только для того, чтобы понравиться Анне Австрийской.

Весть о приезде в Париж сына человека, которого она так горячо любила в молодости, привела королеву-мать в сильное волнение. Она объявила о том, что берет его под свою защиту и разрешает ему остаться на некоторое время во Франции. Но ему пришлось в конце концов вернуться в Англию, до конца дней сохранив в душе чувства, которые он питал к Генриетте.

* * *

Вот такая девушка, к которой не смог остаться равнодушным любой мужчина, разделила ложе Монсиньора 31 марта 1661 года. Но он смог получить от этого лишь весьма относительное удовольствие. Как пишет мадам де Лафайет, «было бы чудом, если бы женщине удалось разжечь огонь в сердце этого принца. Однако чуда не произошло»⁸¹.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.